

— ЛАЙОН СПРЭГ ДЕ КАМП —

ЛАВКРАФТ

ЖИВОЙ КТУЛХУ

Мастера магического реализма (АСТ)

Лайон Спрэг де Камп

Лавкрафт: Живой Ктулху

«Издательство АСТ»

1975

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84(7Coe)-44

Спрэг де Камп Л.

Лавкрафт: Живой Ктулху / Л. Спрэг де Камп — «Издательство АСТ», 1975 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-114613-9

Один из самых влиятельных мифотворцев современности, человек, оказавший влияние не только на литературу, но и на массовую культуру в целом, создатель «Некрономикона» и «Мифов Ктулху» – Говард Филлипс Лавкрафт. Именно он стал героем этой книги, в своем роде уникальной: биография писателя, созданная другим писателем. Кроме того многочисленные цитирования писем Г. Ф. Лавкрафта отчасти делают последнего соавтором. Не вынося никаких оценок, Лайон Спрэг де Камп объективно рассказывает историю жизни одной из самых противоречивых фигур мировой литературы.

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-114613-9

© Спрэг де Камп Л., 1975

© Издательство АСТ, 1975

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Колледж-Хилл	9
Глава вторая. Отклонившаяся ветвь	18
Глава третья. Ночные мверзи	27
Глава четвертая. Избалованный гений	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лайон Спрэг де Камп Лавкрафт: Живой Ктулху

L. Sprague de Camp

H. P. Lovecraft: A Biography

© 1975 by L. Sprague de Camp

© Д. Попов, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Памяти «трех мушкетеров» «Визрд Тэйлз»:
Роберта Э. Говарда,
Г. Ф. Лавкрафта
и Кларка Эитона Смита*

Предисловие

Я не был знаком с Г. Ф. Лавкрафтом по двум причинам. Во-первых, я начал серьезно писать лишь через год после его смерти в 1937–м. Во-вторых, я редко читал «Виэрд Тэйлз»¹, едва ли не единственное его профессиональное издание, в том числе и на протяжении почти десятилетия после его смерти. Увы! Летом 1932 года, учась в аспирантуре в Массачусетском технологическом институте, я был в Бостоне, всего в часе езды от его дома. Если бы я только знал...

В период с 1946–го по 1960–й я понемногу узнавал о Лавкрафте. Узнавал также и о других членах кружка Лавкрафта – «Виэрд Тэйлз», особенно о Роберте Э. Говарде². Несмотря на то что я получал истинное наслаждение от произведений Лавкрафта, рассказы Говарда оказались ближе к тому типу приключенческого фэнтези с сумасбродными героями, которое я больше всего люблю читать и писать. Позже я принимал участие в завершении, переработке и редакции ряда неопубликованных рассказов Говарда. Но это уже другая история.

Несколько лет назад я собрал материал о Лавкрафте и его коллегах для серии журнальных статей «Рыцари и колдуны от литературы». В этом проекте мне помогал и всецело поддерживал Август У. Дерлет из Саук-Сити, штат Висконсин, который практически в одиночку пытался сохранить литературное наследие Лавкрафта и издавал его произведения после смерти писателя.

Я знал, что Дерлет намеревается написать полную биографию Лавкрафта, и у меня и в мыслях не было браться за подобную работу. Однако 4 июля 1971 года Дерлет внезапно умер, так и не написав книгу. А так как я собрал множество писем и публикаций как самого Лавкрафта, так и о нем, мне показалось вполне логичным взять на себя ответственность за эту работу.

Мне виделось, что, хоть я и не знал Лавкрафта, у меня было одно преимущество перед его другом Дерлетом. Поскольку его восхищение Лавкрафтом граничило с идолопоклонством, я полагал, что смогу взглянуть на предмет более объективно. Читателю судить, был ли я прав, считая так.

Чем больше я изучал жизнь Лавкрафта, тем больше он меня очаровывал. Я обнаружил в его характере некоторые из своих собственных недостатков, которые, надеюсь, во мне все-таки не столь велики. Когда я читал о его неудачах и несчастьях меня не оставляла мысль, что «такое могло случиться и с нами, но Бог смилостивился и решил иначе»³.

Я ни в коей мере не претендую на то, что полностью понял Г. Ф. Лавкрафта. Тому, кто больше смотрит в будущее, нежели в прошлое, кто практически безразличен к окружающей обстановке и не испытывает тоски по родине, у кого нет особой ностальгии по местам юности, тяжело постичь внутренний мир человека, который на протяжении всей жизни остро тосковал по дому своего деда на Энджелл-стрит. Другими словами, наши характеры слишком разные.

¹ «Виэрд Тэйлз» («Сверхъестественные рассказы») – американский журнал фантастической и сверхъестественной литературы, учрежденный в марте 1923 г. бывшим журналистом Дж. К. Хеннебергером; первым его редактором был чикагский писатель Эдвин Ф. Байрд (1886–1957). (Примеч. перев.)

² Роберт Эрвин Говард (Ховард, 1906–1936) – американский писатель – фантаст, наиболее прославившийся циклом историй о Конане-варваре, поэт.

³ Приведенная фраза (в оригинале «there but for the grace of God», полностью «There but for the grace of God go I») – часто цитируемые слова английского протестантского реформатора Джона Брэдфорда (1510–1555), произнесенные им в заключении в лондонском Тауэре при виде преступников, идущих на казнь; используются для сравнения удачливости одного человека и рока другого (самого Брэдфорда, впрочем, позже сожгли как еретика).

Я полагаю, что биография обычного писателя не очень интересна. Большинство из них из года в год стучат по клавишам пишущих машинок, прерываясь лишь тогда, когда семьи вытаскивают их на несколько недель принудительного отпуска.

Это не значит, что писатели считают жизнь скучной. Часто они увлечены своим ремеслом. Но все чудесные приключения и открытия в основном случаются в их воображении, оставаясь таким образом недоступными для биографов.

С другой стороны, автобиография писателя может оказаться очень интересной, поскольку он описывает свои мысли и пережитые чувства. Хотя Лавкрафт и не написал автобиографии, он сделал следующую замечательную вещь: он оставил историю своей жизни и размышления в письмах, коих написал невероятное количество – согласно одной оценке, их было сто тысяч. Хотя многие из них пропали, тысячи всё еще существуют в архивах Университета Брауна, в частных коллекциях или уже были изданы.

За свои грехи я прочел тысячи из этих писем, большей частью оригиналов, написанных лавкрафтовскими каракулями. Не потратить Лавкрафт столько времени на них, он, быть может, достиг бы большей земной славы. Но тогда я не смог бы написать о нем столь подробно.

При подготовке этой книги мне оказывали огромную помощь коллеги и поклонники Лавкрафта. В особенности я признателен следующим:

Ирвингу Бинкину, любезно разрешившему воспользоваться коллекцией «Лавкрафтианы» Филипа Джека Грилла и предоставившему фотокопии сотен страниц писем и любительских публикаций, а также фотографию семьи Лавкрафтов;

Библиотеке Университета Брауна, предоставившей копии бесчисленных писем и публикаций самого Лавкрафта и о нем, а также фотографий;

своей жене Кэтрин Крук де Камп, уделившей время на редакцию моей рукописи;

Фрэнку Белнапу Лонгу, просмотревшему значительную часть рукописи и терпеливо ответившему на многочисленные вопросы по его воспоминаниям о Лавкрафте;

Этель Филлипс Морриш (миссис Рой Э. Морриш), троюродной сестре и наследнице Лавкрафта, любезно разрешившей цитирование *ad libitum*⁴ писем писателя и предоставившей биографическую информацию о семье Филлипсов;

Сэму Московицу, любезно разрешившему использовать свою бесценную коллекцию старых журналов, в том числе «Виэрд Тэйлз» и «Мансейз Мэгэзин»; а также

Генри Л. П. Беквиту, Дональду М. Гранту, Бертону Леви Сент-Арманду и Кеннету В. Файгу-младшему, сопровождавшим меня по Провиденсу и Род-Айленду, прочитавшим и отозвавшимся о части либо обо всей рукописи и ответившим на множество вопросов о Лавкрафте и его среде.

Я также признателен за различную помощь – ответы на вопросы, разрешение на цитирование, предоставление копий писем, публикаций и фотографий – следующим: Дженет Джеппсон Азимов, Форресту Дж. Аккерману, Джекис Бергер, Эдварду П. Берглунду, Роберту Блоху, Гарри Бробсту, Шелдон и Хелен Вессонам, Джорджу Т. Ветцелю, Шейле Дж. Вудвард, Альфреду Галпину, Теодору Гридеру и Ричарду Дж. Шаубеку-младшему из Библиотеки Нью-йоркского университета, преподобному Джону Т. Данну, Джерри де ла Ри, Артуру П. Демерсу, покойному Августу Дерлету, Лоренс Канетка, Лину Картеру, Роберту В. Кенни, Уиллису Коноверу, Эдварду Шерману Коулу, Уильяму Л. Кроуфорду, Джерарду Б. Круку, Сэмюэлю Лавмэну, Джерри А. Лаусон, Морису Леви, Фритцу Лейберу, Гленну Лорду, Дерку В. Мозигу, Гарри О. Моррису-младшему, Ричарду Мохру, Бресту Ортону, Эмилю Петайа, Эдгару Хоффманну Прайсу, В. Питеру Саксу, Ричарду Ф. Сирайту, Рою А. Сквайерсу, Джону Х. Стенли и покойной Кристин Д. Хатавей из Библиотеки Университета Брауна, Кеннету Дж. Стерлингу, Уил-

⁴ *Ad libitum* – свободно, по своему желанию (лат.).

фреду Б. Талману, Освальду Трейну, Джекис Феррон, Гарри О. Фишеру, Роберту М. Фишеру, Роберту К. Харраллу, Форресту Д. Хартманну, Джеймсу Шевиллу, Дж. Вернону Ши, Стюарту Д. Шиффу, Кристоферу Эвансу и Стиву Энгу.

Л. Спрэг де Камп

Вилланова, штат Пенсильвания

Август 1974 г.

Глава первая. Колледж-Хилл

*Залив где реку принимает,
А на холмах леса,
Там ипили Провиденс вздымает
Ко древним небесам.*

*А средь извилистых путей,
По склону что бегут,
Все чары позабытых дней
Спокойствие дадут⁵.*

Г. Ф. Лавкрафт «Провиденс»

В большом, беспорядочно выстроенном трехэтажном дощатом доме о пятнадцати комнатах, в Провиденсе, штат Род-Айленд, жил Уиппл Ван Бурен Филлипс с женой и двумя незамужними дочерьми. Третий этаж с фронтонами и слуховыми окнами населяли четверо слуг. Дом стоял на обширных угодьях с ухоженными аллеями, деревьями, фруктовым садом и фонтаном, а позади него находилась конюшня с экипажем и тремя лошадьми Филлипсов.

Помимо всех удобств и комфорта жизни американского высшего общества конца девятнадцатого века дом на Энджелл-стрит, 454⁶ имел и библиотеку с двумя тысячами книг – некоторым из них было уже несколько веков. Уиппл Филлипс и его жена Роби слыли завзятыми книгочеями. Роби Филлипс, получившая хорошее для того времени образование, проявляла интерес к астрономии и собирала книги.

Именно в этот дом, поздней весной или ранним летом 1893 года, явилась средняя дочь Филлипсов, Сюзи Филлипс Лавкрафт, с двухлетним сыном Говардом.

Сюзи жила со своим мужем Уинфилдом Скоттом Лавкрафтом в пригороде Бостона, но у него началась тяжелая душевная болезнь, и он был помещен в психиатрическую больницу. Очевидно, потрясение от нервного расстройства мужа послужило для Сюзи началом психического заболевания, которое усугублялось вплоть до ее смерти, наступившей через двадцать восемь лет. Среди потакавших во всем деда, бабушки, тетюшек и невротичной матери юный Говард Лавкрафт, несомненно, получил весьма необычное воспитание.

Много позже Г. Ф. Лавкрафт любил говорить о достоинствах своей матери: ее пении и игре на фортепиано, занятии живописью и знании французского языка. Однако люди, знавшие ее после смерти мужа, говорили иначе. Альберт А. Бейкер, семейный адвокат, называл ее «немошной сестрой». Психиатр Больницы Батлера, куда она попала в 1919 году на заключительной стадии болезни, характеризовал ее как «женщину с ограниченными интересами, которая, будучи травмирована психозом, узнала о надвигающемся банкротстве»⁷.

⁵ Howard Phillips Lovecraft «Providence», 11. 1–8 в «Fungi from Yuggoth and Other Poems», N. Y.: Ballantine Books, Inc., 1971, p. 1. (Все переводы стихотворений и прозы Г. Ф. Лавкрафта и других авторов, цитируемых Л. С. де Кампом, выполнены переводчиком настоящего издания, за исключением особо отмеченных случаев. В Howard Phillips Lovecraft «The Ancient Track: The Complete Poetical Works», ed. by S. T. Joshi, San Francisco: Night Shade Books, 2001, p. 302, стихотворение «Провиденс» опубликовано в полной версии, с тремя добавленными строками – т. о. в качестве эпиграфа приведены 1–4 и 9–12 строки стихотворения. – Примеч. перев.)

⁶ Тогда номер дома был 194, но в самом конце 90–х годов нумерация была изменена.

⁷ Winfield Townley Scott «Exiles and Fabrications», Garden City: Doubleday & Co., Inc., 1961, pp. 59, 68; «His Own Most Fantastic Creation» в Howard Phillips Lovecraft «Marginalia», Sauk City: Arkham House, 1944, p. 319. Записи психиатра Больницы Батлера погибли во время пожара в 1955 году.

Лишившись мужа, Сюзи стала одержима идеей, что маленький Говард – это все, что у нее есть. И теперь ее ограниченные интересы сосредоточились на сыне. Она оберегала, нежила, баловала и потакала мальчику до такой степени, что даже самому непоколебимому стороннику потворствующего воспитания показалось бы чрезмерным. На викторианском кресле-качалке, в котором Сюзи убаюкивала Говарда под пение арий из «Крейсера Пинафор» и «Микадо», по ее настоянию состругали весь выступающий декор, дабы он не поранился о него. Более того: «На летнем отдыхе в Дадли, штат Массачусетс... миссис Лавкрафт отказалась обедать в столовой, не пожелав оставить на час своего спящего сына одного этажом выше. Когда миниатюрная учительница мисс Свини отправилась на прогулку с мальчиком, любившим подобные выходы из дома, и взяла его за руку, мать Говарда велела ей немного наклониться, дабы не вырвать ему руку из плеча. Когда Говард катался на своем трехколесном велосипеде по Энджелл-стрит, она шла рядом, придерживая его за плечо. И, по мере того как мальчик рос, подобная опека только возрастала, а не уменьшалась...»⁸

Сюзи позволяла сыну есть все, что ему нравится. В результате он только и ел что сладости да мороженое, пренебрегая здоровой пищей, и так и не преодолел детского отвращения к морепродуктам и некоторым овощам. Она позволяла ему вставать и ложиться, когда он пожелает, так что он перешел на ночной образ жизни и редко показывался днем. Когда ему было семь, она отняла у него роман Герберта Уэллса «Остров доктора Моро» из опасения, что подобные ужасы повредят его чувствительным нервам.

Вредным для развития мальчика было и то, что Сюзи Лавкрафт страстно желала родить девочку и даже начала собирать для нее приданное. Из-за этого она настойчиво холила те черты сына, которые считала женскими. Она одевала его в костюм лорда Фаунтлероя и сознательно пыталась сделать его женственным. Благодаря ее внушениям маленький Лавкрафт какое-то время настаивал: «Я маленькая девочка»⁹.

Говард был кареглазым малышом с длинными золотистыми кудрями. Когда Лавкрафты проживали в Массачусетсе у семьи Гуини, миссис Гуини прозвала его за них Солнышком. Сюзи заставляла сына носить эти кудри до шести лет, хотя он начал жаловаться на них еще в трехлетнем возрасте. На какое-то время она успокаивала его, показывая картинки из «Спектатора» восемнадцатого века, изображавшие взрослых мужчин с длинными волосами и в коротких, как у него, штанах. С этого и началось его пожизненное увлечение эпохой барокко, но с кудрями он так и не примирился. Наконец, когда мальчику исполнилось шесть лет, она вняла его жалобам: под горький плач Сюзи его подстригли¹⁰.

Вместе с тем, и это весьма странно, она избегала любых физических контактов с мальчиком и говорила людям, что он мерзок. Впоследствии Лавкрафт признался своей жене, что отношение матери к нему было «разрушительным». Его тетя Лириан как-то сказала одному из его друзей, что «с их стороны было очень глупо столь чрезмерно опекать мальчика, вплоть до тридцати лет»¹¹. К тому времени, однако, было уже слишком поздно что-либо менять.

Кроме того, Говард Лавкрафт был не по годам развитым ребенком и обладал поразительной памятью. Буквы он выучил в два года, в три научился читать, а в четыре уже писал.

⁸ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Л. Ф. Кларк, 14 февраля 1925 г.; Winfield Townley Scott «His Own Most Fantastic Creation» в Howard Phillips Lovecraft «Marginalia», Sauk City: Arkham House, 1944, pp. 313f; «Exiles and Fabrications», Garden City: Doubleday & Co., Inc., 1961, p. 55.

⁹ August W. Derleth «Final notes» в H. P. Lovecraft «The Dark Brotherhood and Other Pieces», Sauk City: Arkham House, 1966, p. 320; Sonia H. Davis «The Private Life of Howard Phillips Lovecraft», неопубликованная рукопись из Библиотеки Джона Хэя, p. 3.

¹⁰ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Гарри О. Фишеру, конец января 1937 г.

¹¹ Sonia H. Davis «Memories of Lovecraft» в «The Arkham Collector», I, 4 (Winter, 1969), p. 117; W. Paul Cook «In Memoriam: Howard Phillips Lovecraft (Recollections, Appreciations, Estimates)», самиздат, 1941, p. 10.

Вскоре он обратился к библиотеке Филлипсов. Такое сочетание специфической наследственности, ненормального воспитания и раннего знакомства с книгами породило массу противоречий – коими Лавкрафт и был.

Говард Филлипс Лавкрафт (1890–1937) завладевает вниманием любого поклонника литературы воображения не только благодаря своим весьма оригинальным рассказам, широкому воздействию и ведущему положению в жанре, но также и благодаря своей странной личности, обязанной необычному воспитанию. Он заключал в себе гораздо больше противоречий, нежели можно было бы представить в одном человеке.

Когда Лавкрафт умер, он был практически неизвестен, за исключением небольшого круга друзей, корреспондентов и экспертов по фантастике. Не было издано ни одной его книги, хотя друзья и предпринимали безуспешные попытки напечатать их самиздатом. Книга «Род-Айленд, путеводитель по самому маленькому штату», изданная в рамках Федеральной программы помощи писателям в год смерти Лавкрафта, не упоминает о нем в главе о писателях ни единым словом. Также как и туристический буклет «Достопримечательности Провиденса», изданный «Провиденс Журнал». Лавкрафт считал себя полным неудачником, «абсолютным убытком».

Однако через тридцать с лишним лет его произведения продаются сотнями тысяч. Коллекционеры платят от тридцати до ста долларов за любое его письмо. О нем поставлена пьеса и написано по крайней мере пять магистерских диссертаций.

Лавкрафт переведен на десять или даже более иностранных языков и провозглашен, особенно в романоязычных странах, равным Эдгару Аллану По. Испанский писатель Хосе Луис Гарсиа объявил его одним из десяти величайших писателей всех времен. Мишель де Гельдерод из Бельгии причислил его наряду с Эдгаром По, Амброзом Бирсом и Уолтом Уитменом к четырем величайшим писателям Америки. Стефан Винсент Бене присоединился в восхвалении творчества Лавкрафта к французам Жану Кокто и Андре Биллай¹². 5 августа 1973 года буэнос-айресская газета «Ля Опиньон» целиком посвятила Лавкрафту свое воскресное культурное приложение.

Лавкрафт сетовал на отсутствие признания, однако всю свою жизнь он сам же и выстав- лял препоны на пути к своим целям. Осуждая жеманство и позы, он сам был настоящим королем позеров. Ему нравилось представлять себя престарелым отшельником, называя в письмах своих тетушек «моя любимая дочь» и «моя дорогая внучка» и подписываясь «Дедуля».

Лавкрафт питал слабость к языку, взглядам и даже произношению («antient», «publick», «ask'd») английских консерваторов восемнадцатого века или, по крайней мере, колониальных лоялистов. Он сдабривал письма восклицаниями вроде «Боже, храни Короля!». Когда его друг Мортон обвинил его в позерстве, Лавкрафт вежливо ответил: «Но разве это не артистическая поза?»¹³

Как-то в Лексингтоне, штат Массачусетс, он посетил памятник первым колонистам, павшим в Войне за независимость. На вопрос, испытывал ли он при этом какие-нибудь чувства, Лавкрафт ответил:

– Конечно же! Я выпрямился и громко крикнул: «Так умрите же все враги и предатели его законного величества короля Георга Третьего!»¹⁴

¹² Письмо Г. Ф. Лавкрафта Х. В. Салли, 15 августа 1935 г.; Marc Slonim «European Notebook» в «New York Times Book Review», 17 May 1970; Arthur S. Koki «H. P. Lovecraft: An Introduction to his Life and Writings», магистерская диссертация, Columbia University, 1962, pp. If; Dorothy C. Walter «Three Hours with H. P. Lovecraft» в H. P. Lovecraft and Divers Hands «The Shuttered Room and Other Pieces», Sauk City: Arkham House, 1959, p. 179.

¹³ James F. Morton «A Few Memories» в «The Olympian», No. 35 (Fall, 1940), p. 26.

¹⁴ Steve Eisner (ed.) «Howard Phillips Lovecraft Memorial Symposium», University of Detroit Quarterly, VIII, 3, 1958, p. 3; речь Сэмюэля Лавмэна на встрече Восточного общества научной фантастики, Ньюарк, штат Нью-Джерси, 2 марта 1952 г.

Будучи приверженцем философского материализма, Лавкрафт обладал твердыми познаниями в естественных науках и испытывал глубокое уважение к научному методу, но в то же время исповедовал псевдонаучные расовые теории. Он восхищался «безграничным превосходством германских арийцев» и «зычным боевым кличем голубоглазого светлоробкого воина»¹⁵, хотя сам при этом был весьма далек от образа могучего викинга-грабителя.

Вопреки болтовне о кровожадных берсерках и произведениях об упырях, каннибалах и гниющих трупах, Лавкрафт был таким брезгливым, что, поймав мышь, предпочитал выбрасывать ее вместе с мышеловкой, нежели касаться крошечного трупика. Воинствующий националист и милитарист в течение долгого времени, он так извелся угрызениями совести, когда в молодости застрелил белку, что никогда больше не охотился.

Большинство людей, чьи политические взгляды меняются с течением времени, начинают как либералы или радикалы, а с возрастом становятся консерваторами. Лавкрафт же начал ультраконсерватором, а стал социал-либералом и пылким поклонником Франклина Делано Рузвельта.

Лавкрафт писал: «...Моя ненависть к человеческой скотине растет тем стремительнее, чем больше я наблюдаю за этим проклятым сбродом», а его жена сказала: «Думаю, что теоретически он ненавидел все человечество»¹⁶. Однако для самопровозглашенного мизантропа он приобрел удивительно много верных друзей. И все они отзывались о нем как об одном из самых добрых, великодушных и бескорыстных людей, которых они когда-либо знали.

Вплоть до последних нескольких лет своей жизни Лавкрафт был маниакальным националистом. Он ненавидел всех иностранцев, иммигрантов и представителей национальных меньшинств, называя их «гнусным крысиным сбродом из гетто» и «крысомордыми азиатскими полукровками»¹⁷. Когда он снимал комнату в Бруклине и узнал, что его сосед-сириец, он отреагировал так, как если бы обнаружил в ванне гремучую змею.

Однако же, когда Лавкрафту случалось знакомиться с представителями этих ненавистных национальностей, он всегда оказывался по отношению к ним таким же добрым, учтивым, дружелюбным, великодушным и мягким, как и к англосаксам. При всем своем часто выказываемом отвращении к евреям он женился на еврейке, а также считал одного еврея своим ближайшим другом. В последние годы жизни Лавкрафт избавился практически от всех своих национальных фобий и отказался от тех взглядов, которыми ранее бравировал.

Лавкрафт всегда давал хорошие советы по вопросам литературы, вот только самому следовать им у него не получалось. Он рекомендовал начинающим поэтам избегать претенциозности, вроде использования устаревших слов и написаний, в то время как сам сочинял в стиле времен славной королевы Анны Стюарт. Он советовал сторониться «неумеренности в барокко», критики же считали его произведения переполненными подобными излишествами.

Он предостерегал одного своего юного друга от заблуждения, что за его литературный талант и художественный вкус общество обязано обеспечивать его средствами к существованию¹⁸. Но всю свою жизнь Лавкрафт вел себя так, словно его действительно должны были содержать. Он изображал из себя обедневшего аристократа, который никогда не поступится своими джентльменскими принципами ради вульгарных корыстных интересов.

¹⁵ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Рейнхарту Кляйнеру, 25 ноября 1915 г.; Дж. Ф. Мортону, 10 февраля 1923 г. В изданных томах Н. Р. Lovecraft «Selected Letters», I, II, III, Sauk City: Arkham House, 1965, 68, 71 в имени Кляйнера допущена ошибка — «Reinhardt» вместо «Rheinhardt».

¹⁶ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Дж. Ф. Мортону, 1 марта 1923 г.; Sonia H. Davis «Н. Р. Lovecraft as his Wife Remembers Him» в «Books at Brown», XI, 1 & 2 (Feb. 1949), p. 10.

¹⁷ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Д. Уондри, 10 февраля 1927 г.; Sonia H. Davis, там же.

¹⁸ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Э. Х. Прайсу, 13 октября 1935 г.; Ф. Б. Лонгу, 17 октября 1930 г.

Он яростно поносил «слащавую сентиментальность»¹⁹ в художественной литературе, но если кто и был слащаво сентиментален по отношению к своему детству и всему, что напоминало о нем, то это был сам Лавкрафт.

Лавкрафт испытывал отвращение к половым извращениям и отклонениям. Однако его собственный подход к сексуальным отношениям был таким ханжеским и сдержанным, что в сочетании с его высоким голосом и тем, что даже его близкий друг назвал «жеманным поведением»²⁰, некоторые задавались вопросом о его сексуальной ориентации.

Хотя он, несомненно, и любил Соню, брак с которой был весьма недолговечным, его подлинной любовью был Провиденс. То есть именно материальный город – его дома и улицы, но никак не люди, которые его мало заботили и из которых мало кто даже подозревал о его существовании. Эта страсть удерживала его в Провиденсе почти всю его жизнь, хотя он и страдал от редкого заболевания, делавшего его чрезвычайно чувствительным к холодным зимам Новой Англии.

Один критик назвал Лавкрафта «сложной смесью инвалида-неврастеника и нордического сверхчеловека; надменного позера и одинокого неудачника; космического фантаста и непреклонного научного материалиста; ученого, насмешника и исследователя; ненавистника жизни и влюбленного, так и не нашедшего достойного объекта для своей любви – или же не нашедшего себя достойным предложить свою любовь кроме как под обманчивой личиной этих многословных, маниакальных писем, которые одновременно требовали и отталкивали ту любовь, которая была... просто его человеческим долгом»²¹.

Эта картина не так уж и ошибочна, но она грешит в перечисленном, поскольку упускает множество положительных качеств Лавкрафта – таких как пронизательный ум, широкие познания, художественная восприимчивость, строгая личная честность, обаяние, вежливость и доброта.

Странности Лавкрафта создают о нем впечатление как об отталкивающем уродце, однако люди, встречавшиеся с ним, будучи неприязненно настроенными, все равно пленялись им. Джордж Джулиан Хоутейн, издатель-любитель, посетил его в 1920 году и затем отозвался об этой встрече: «Я как-то не горел желанием встретиться с Лавкрафтом – у меня было впечатление, что он мрачен и скучен... Он, несомненно, воплощает все те черты, которые я не выношу, но тем не менее Говард Ф. Лавкрафт чрезвычайно понравился мне с первой же минуты нашей встречи»²².

Вот таким он предстает перед нами: человек выдающихся достоинств и вопиющих недостатков; человек одновременно приятный и отвратительный – в зависимости от того, какая сторона его сложной натуры раскрывается постороннему; человек, родившийся не в свое время; автор рассказов, мнения о которых разнятся до фантастической степени; человек, чье мощное влияние на литературный жанр резко контрастирует с тем незначительным признанием, которое он получил при жизни.

Провиденс, к которому Лавкрафт испытывал такую странную платоническую страсть, – притягательное место, особенно для тех, кому нравится колониальная архитектура, старинная атмосфера Новой Англии и ранние часы. Местный говор типичен для востока новоанглийской Америки.

¹⁹ Письмо Г. Ф. Лавкрафта К. Э. Смит, 16 ноября 1926 г.; С. Куинну, 11 сентября 1931 г.; Г. О. Фишеру, конец января 1937 г.

²⁰ Альфред Галпин, в личном общении.

²¹ Jas. Wade в рецензии на H. P. Lovecraft «Selected Letters», III, Sauk City: Arkham House, 1971 в Meade Frierson III (ed.) «Howard Phillips Lovecraft», Birmingham, Ala.: самиздат, 1972, p. 52.

²² George Julian Houtain, редакторская статья в «The Zenith», Jan. 1921, p. 3.

Род-Айленд – самый маленький по площади из пятидесяти штатов, всего лишь 1248 квадратных миль, 181 из которых находятся под водой. В нем находится довольно крупный залив Наррагансетт с сильно изрезанной береговой линией, из вод которого поднимаются несколько островов. Колония была названа по самому большому из них²³.

В 1636 году на месте будущего Провиденса вместе с четырьмя товарищами обосновался Роджер Уильяме, изгнанный за ересь из Массачусетса. Он одним из первых в христианском мире полностью принял принцип свободы вероисповедания. Уильяме приютил квакеров²⁴, когда в Массачусетсе их вешали наравне с ведьмами и пиратами, и даже призвал без страха селиться в колонии «папистов, язычников, турок и евреев»²⁵.

Хотя жители Род-Айленда и поддерживали низкий накал религиозных страстей, они были верны пуританским добродетелям бережливости, коммерческой предприимчивости и тяжелого труда. Когда в 1762 году группа актеров основала в Провиденсе театр, городское собрание убедило Ассамблею заставить их покинуть город – не потому, что их пьесы были безнравственными, но потому, что «столь дорогостоящее увеселение и праздное времяпрепровождение ни в коей мере не может быть для нас добродетельной склонностью, особенно в это время, когда наша колония, равно как и другие, страдает от тяжелой напасти необычайной засухи и нехватки сена и провианта»²⁶.

Залив Наррагансетт в северной части разветвляется. Восточный рукав – река Тонтон, западный, так называемая река Сиконк, – в действительности устье реки Блэкстон. Провиденс стоит на западном берегу Сиконка. Помимо того, что он является столицей штата, это также промышленный город и морской порт. В течение двадцатого столетия его население колебалось от двухсот до двухсот пятидесяти тысяч человек.

Речка Провиденс, повсюду перекрытая мостами, течет через весь город и впадает в Сиконк. Параллельно ей через низину посередине города идут ветка Пенсильванской Центральной железной дороги и шоссе № 95.

Железнодорожная станция обращена на большую центральную площадь, украшенную статуями и памятниками. На юг и запад от площади простирается главный деловой район, где высотные офисные здания начали вытеснять реликты восемнадцатого и девятнадцатого веков. Немногим более четверти мили к северу от станции располагается обрамленное колоннами и увенчанное куполом здание законодательного собрания штата Род-Айленд, построенное в 1895–1901 годах из мрамора и белого гранита.

Долина, через которую течет река и проходят железная дорога и шоссе, лежит между двумя холмами, не считая высот поменьше. На западе поднимается Федерал-Хилл, большой по площади и с пологими склонами. Долгое время его население составляли в основном итало-американцы. На востоке стоит меньший, но более крутой Колледж-Хилл, дома на котором образуют настоящий музей колониальной и федералистской архитектуры. Холм занимает тупоконечный полуостров около мили в ширину, образованный слиянием Провиденса и Сиконка. На его вершине, над крутым западным склоном, стоит Университет Брауна.

Бенефит-стрит, тянущаяся вдоль склона холма к западу от университета, примечательна колониальными домами из красного кирпича на деревянном каркасе. Дом под номером 88 –

²³ Согласно одной из теорий, этот остров (индейское название – Акуиднек, оно до сих пор иногда используется) напомнил старинному чиновнику остров Родос в Средиземном море; согласно другой, название произошло от «roddich Eylandken», «маленький красноватый остров», как некий голландский исследователь описал один из островов. (Де Камп имеет в виду Эдриана Блока (1567–1627) – голландского мореплавателя и торговца мехом. – *Примеч. перев.*)

²⁴ Роджер Уильяме (1603–1684) – англо-американский теолог, сторонник разделения церкви и государства, основатель города Провиденс; квакеры (самоназвание – Религиозное общество друзей) – направление в протестантской конфессии христианства, основанное в середине семнадцатого века в Англии ремесленником Джорджем Фоксом (1624–1691), отвергают институт священников и церковные таинства. (Примеч. перев.)

²⁵ Письмо Г. Ф. Лавкрафта У. Б. Талману, 24 марта 1931 г.

²⁶ Gertrude Selwyn Kimball «Providence in Colonial Times», Boston: Houghton Mifflin Co., 1912, pp. 307f.

дом Сары Хелен Уитмен, построенный в восьмидесятых годах восемнадцатого века и названный так в честь неприступной вдовы, жившей здесь в тридцатых-сороковых годах девятнадцатого века. Именно сюда в 1848 году, в последний год своей жизни, приезжал Эдгар Аллан По, лихорадочно ухаживая за миссис Уитмен. Она согласилась выйти за него замуж при условии, что он бросит пить. Он обещал, но вскоре изменил своему слову и получил отставку.

Бенефит-стрит под прямым углом пересекается с Энджелл-стрит, на которой Лавкрафт прожил тридцать один год из сорока шести лет своей жизни. Энджелл-стрит поднимается по Колледж-Хилл, пересекает университетский городок и спускается по другой стороне холма. За исключением нескольких офисных зданий и автострады через центр города, Провиденс выглядит почти так же, как и при жизни Лавкрафта.

Во времена юности писателя (1890–1910) жители Провиденса были разделены на классы, примерно как и в близлежащем Бостоне. Верхушку этого общества составляли «старые американцы» – выходцы из северо-западной Европы, прожившие здесь не одно поколение, в основном это были англосаксонские протестанты. Среди них «больше значения придавалось долгу, честности, благовоспитанности и скромному поведению, нежели деньгам или внешнему лоску»²⁷.

Бережливость занимала высокое место в их ранге ценностей. В состоятельных семьях умеренная поношенность одежды и имущества не только была допустимой, но даже являлась предметом восхищения как показатель экономности владельца. В романе Джона Маркуонда «Покойный Джордж Эпли» (1936) бостонец наставляет своего сына: «Дом твоего двоюродного деда Уильяма всегда мне казался частью его самого, и поэтому он не подлежит никаким изменениям. Простота обстановки, сквозняки в залах, истертые зубцы вилок на обеденном столе и заплатки на скатерти стали для меня его неотъемлемыми чертами и показателем прирожденного достоинства. Твой двоюродный дед Уильям, если б только пожелал, мог бы жить с показухой нувориша, но он этого не желает. Он не любит внешний лоск, которым козыряют те, кто привык к деньгам. Он до сих пор ездит в свою контору на трамвае. Он покупает, возможно, один костюм в год... Но при всем при этом ты не должен забывать о его щедрости по отношению к другим...»

В экономических вопросах этот правящий класс твердо держался крайнего капиталистического консерватизма, вроде того, что заставлял вымышленного Джорджа Эпли из романа Маркуонда яростно поносить «такой социалистический вздор, как подоходный налог и пенсии по старости»²⁸. Низами общества были многочисленные иммигранты и представители национальных меньшинств, в основном итальянцы, ирландцы, португальцы и евреи различного происхождения. Верхний и нижний классы враждовали между собой, в особенности когда национальные меньшинства начали прорываться наверх, к тому положению, которое «старые американцы» считали своим по праву происхождения. Один критик описал время смены девятнадцатого века двадцатым так: «По духу это был истинно английский колониальный период, в котором идея Общества – в английском смысле – не только принималась, но и всячески подчеркивалась. Всерьез говорили о том, что такое знать, кто был дворянином, а кто нет. Имели значение и происхождение, и образованность. Все английское принималось с восхищением... Но самое важное было то, что был высший класс и был низший класс, и каждый класс одевался, разговаривал и действовал согласно своей принадлежности».

Среди «старых американцев» наибольшим уважением пользовались имевшие унаследованное состояние. Хотя деньги всегда имели большое значение, унаследованные ценились больше заработанных. Это основывалось на том убеждении, что человек, взрослея уже с день-

²⁷ Stephen Birmingham «The Late John Marquand», Phila.: J. B. Lippincott Co., 1972, p. 74.

²⁸ John P. Marquand «The Late George Apley (A Novel in the Form of a Memoir)», Boston: Little, Brown & Co., 1936, pp. 10, 15.

гами, не будет побираться ради них, но наверняка усвоит высший кодекс поведения, определяющий аристократию.

Под этим наивысшим классом располагались «старые американцы», которые сделали деньги, начиная с незначительной суммы или же с нуля, а также те, кто когда-то имел деньги, но лишился их. Предки Лавкрафта по материнской линии, семья Филлипсов, опустились на этот низший уровень высшего класса. Знакомые описывали их как «знать старой закваски, пользовавшуюся уважением среди старых аристократов восточного района Провиденса перед Первой мировой войной»²⁹.

Как и вся нация, Новая Англия подверглась смешивающим, уравнивающим и усредняющим веяниям двадцатого столетия. Поэтому прежнее социальное расслоение в основном изгладилось и исчезло. Но старые отношения все еще живучи. До сих пор в Новой Англии встречается молчаливая гордость за класс, касту и «староамериканских» предков. Встречается обычай искусно прятать состояние за видимостью поношенности, а также высокое почитание бережливости, воздержанности, усердия, расчетливости и честности.

Как и большинство представителей высшего класса Новой Англии, Филлипсы гордились своими предками. Лавкрафт, который иногда исследовал кладбища на западе Род-Айленда в поисках их могил, любил повторять, что семья его матери происходит из более именитых Филлипсов Род-Айленда и, следовательно, от титулованных британских предков. Генеалогии, однако, говорят, что это сомнительно. Вот основные, точно установленные сведения о предках Лавкрафта.

К западу от Провиденса местность переходит в группы низких округлых холмов. Девственный лес в этих местах был когда-то вырублен под фермерские угодья, но в нашем веке большинство ферм уже заброшены, и все снова густо поросло кустарником и деревьями.

В пятнадцати милях к западу от Провиденса, на границе с Коннектикутом, располагается городок (скорее, селение) Фостер. Здесь, в деревушке Мусап-Велли, жила семья фермеров Филлипсов, и здесь 22 ноября 1833 года родился Уиппл Ван Бурен Филлипс.

Когда Уипплу Филлипсу было четырнадцать, его отец, Джереми Филлипс, трагически погиб на мельнице – механизм затянул фалды его костюма. Юный Уиппл Филлипс держал лавку в Мусап-Велли, имел доход с изобретенной им машины для отделки бахромой. В 1855 году он и его младший брат Джеймс влюбились в двух местных девушек – Роби Алзад Плейс и ее кузину Джейн Плейс. И сказал Уиппл Джеймсу.

– Ты берешь Джейн и ферму, а я беру Роби и уезжаю за своим счастьем в Провиденс³⁰.

Уиппл Филлипс был энергичным, деятельным, предприимчивым и общительным человеком, его деловая карьера была долгой и переменчивой, но в целом удачной. Он управлял лесопилкой и занимался угольным бизнесом и недвижимостью в городке Грин, названном так в честь героя Войны за независимость. В 1874 году, продав свои предприятия, он обосновался в Провиденсе. Он служил в нескольких государственных конторах, вступил во все организации, какие только были, стал видным масоном.

Уиппл Филлипс был также и весьма культурным человеком. Он дважды посетил Италию и стал ценителем итальянского искусства. В последние годы своей жизни это был крупный крепкий мужчина с большими отвисшими седыми усами.

У Уиппла и Роби Филлипсов было пятеро детей, четыре девочки и мальчик. Одна девочка умерла еще в детстве, три остальные были Лилиан Долорес (1856–1932), Сара Сьюзен (ее называли просто Сюзи, 1857–1921) и Энни Эмелин (1866–1941). Лилиан, некрасивая жен-

²⁹ Stephen Birmingham «The Late John Marquand», Phila.: J. B. Lippincott Co., 1972, pp. 19f; письмо Клары Л. Гесс А. У. Дерлету, 18 октября 1948 г.

³⁰ Генри Л. П. Беквит, в личном общении; беседа с Этель Ф. Морриш, 5 сентября 1972 г.

щина, чей короткий крючковатый нос и очки придавали ей сходство с совой, была тихой, робкой, застенчивой, спокойной и неунывающей. Сюзи, несмотря на выступающий нос и длинный подбородок, считалась красавицей семьи. У нее были некоторые артистические наклонности, но она была глуповата и непрактична. Энни, маленькая, действительно красивая женщина, обладала большей живостью и здравым смыслом, нежели любая из двух ее сестер.

Все три девушки получили хорошее образование в пансионе благородных девиц. Лилиан выказывала живой интерес к литературе и науке. Сюзи умела играть на пианино и петь, и обе были хорошими художницами.

Сын Уиппла Филлипса Эдвин Э. Филлипс (1864–1918) женился в 1894 году, однако детей у него не было. Он работал с отцом, но поссорился с ним незадолго до его смерти, из-за чего наследство, отошедшее ему по завещанию, было менее щедрым, нежели у сестер, с которыми он позже восстановил дружеские отношения.

Из трех сестер Филлипс первой вышла замуж средняя – привлекательная, но ветреная Сюзи. 12 июня 1889 года, в епископальной церкви Святого Павла в Бостоне, она сочеталась браком с Уинфилдом Скоттом Лавкрафтом, коммивояжером провиденсской «Горхэм Силвер Компани». Ей был тридцать один год, ему тридцать пять.

Этот Лавкрафт был красивым мужчиной, носившим пышные усы и любившим щегольски одеваться. Хотя он и родился в Рочестере, штат Нью-Йорк, но говорил с таким явственным британским акцентом, что знакомые вспоминали о нем как о «напыщенном англичанине»³¹.

Дед Уинфилда Лавкрафта, Джозеф Лавкрафт, был уроженцем графства Девоншир, Англия, его отец лишился состояния. В 1827 году Джозеф Лавкрафт с женой и шестью детьми мигрировал в Соединенные Штаты и обосновался в Рочестере. Его сын Джордж Лавкрафт (1815–1895) женился на Хелен Олгуд, также британского происхождения, и вырастил двух дочерей и сына. Сын родился в 1853 году, и, как и множество мальчиков того времени, был назван в честь народного героя – в данном случае в честь генерала Уинфилда Скотта, героя американо-мексиканской войны. Когда Уинфилд Лавкрафт подрос, его родители, помня о своем британском происхождении, требовали, чтобы он разговаривал как англичанин.

Родители Уинфилда Скотта Лавкрафта переехали в Маунт-Вернон, штат Нью-Йорк, и юный Уинфилд Лавкрафт пошел работать на Горхэма. Судя по всему, он был способным коммивояжером, но о нем мало что известно.

После свадьбы не такая уж и молодая чета сняла квартиру в Дорчестере, штат Массачусетс, к югу от Бостона, поскольку основная часть бизнеса Уинфилда Лавкрафта была тогда сосредоточена в Бостоне. Четырнадцатью месяцами позже, перед рождением их единственного ребенка, Сюзи Лавкрафт вернулась в свой отчий дом в Провиденсе. Там, 20 августа 1890 года, родился Говард Филлипс Лавкрафт – в его время единственный известный американец, носивший имя Лавкрафт.

³¹ Barton Levy St. Armand «The Outsider in Legend and Myth», магистерская диссертация, Brown University, 1966, p. 10; Winfield Townley Scott «Exiles and Fabrications», Garden City: Doubleday & Co., Inc., 1961, pp. 54, 68.

Глава вторая. Отклонившаяся ветвь

*Путем пустынным и глухим,
Ордою демонов гоним
Там, где тьма на небосклоне,
Там, где Ночь на черном троне,
Я вернулся в край родной
Из Фуле темной и немой,
Лежащей в блеске гордого убранства
Вне времени и вне пространства³².*

Э. А. По «Страна сна»

Так как основные дела Уинфилда Лавкрафта велись в Бостоне, он занялся покупкой участка земли в этом районе и заключением контракта на строительство дома. Весной 1892 года, когда Говарду было полтора года, семья переехала. Их перемещения в течение последовавшего года точно не известны. Согласно Лавкрафту, семья временно снимала квартиру в Дорчестере и провела отпуск в Дадли, штат Массачусетс.

В июне и июле они также проживали около семи недель в доме Гуини в Оберндейле, штат Массачусетс, транспортном пригороде близ водохранилища Стоуни-Брук. Семья Гуини состояла из поэтессы Луизы Имоджен Гуини (1861–1920), ученой старой девы, начавшей отсчитывать четвертый десяток, и ее матери, вдовы генерала Гражданской войны ирландского происхождения. В 1892 году Гуини испытывали немалые финансовые затруднения. Луиза с трудом зарабатывала на жизнь сочинением стихов и статей для местных газет, корректурой и другой случайной редакторской работой.

Сорок лет спустя Лавкрафт упомянул, что его мать была подругой Луизы Гуини и что Лавкрафты пробыли у Гуини шесть месяцев, в течение зимы 1892–1893 годов. Однако письма Луизы Гуини за 1892 год демонстрируют, что память его подвела. Из них ясно, что Луиза отнюдь не была близкой подругой Сюзи и что она вообще невзлюбила Лавкрафтов и возмущалась их присутствием. Она писала: «Этим летом у нас будут ПРОЖИВАТЬ два отъявленных язычника». «Их два с половиной. Как я и сказала, отвратительные филистимляне, которых я так ненавижу». «Наших чертовых жильцов, хвала Господу, в следующем месяце уже не будет». «Те, кого и упоминать нельзя, уехали, и мы снова сами себе хозяйки»³³.

О причинах неприязни Луизы к старшим Лавкрафтам догадаться несложно. Она всецело была интеллигенткой, хорошо знала европейскую литературу прошлых веков, владела французским и итальянским языками и была равнодушна к практической стороне жизни. Под «филистимлянами» она подразумевала скучных, обыкновенных, невежественных и думающих только о деньгах людей. Вполне возможно, что Лавкрафты были респектабельной буржуазной парой, но, будучи не особо интеллектуальными, они наверняка утомляли Луизу.

Впрочем, отношения Луизы и маленького Говарда Лавкрафта, кажется, были более дружелюбными. Она читала ему «Матушку-Гусыню» и поэму «Мод» Альфреда Теннисона. Она научила его на вопрос «Кого ты любишь?» отвечать «Луизу Имоджен Гуини!». Также она показала ему, как рифмовать слова. Поскольку у Луизы уже было издано несколько книг со стихо-

³² Эдгар Аллан По, «Страна сна», строфы 1–8. (Перевод Г. Бена, цитируется по: Э. А. По «Стихотворения», СПб., Симпозиум, 1998. С. 175. – Примеч. перев.)

³³ Письмо Л. И. Гуини Ф. Х. Дэй, 30 мая 1892 г.; 14 июня 1892 г.; 25 июля 1892 г.; 30 июля 1892 г. (Переписка Гуини – Дэй, Библиотека Конгресса.) Луиза Гуини никогда не называла Лавкрафтов, но совершенно очевидно, кого она имела в виду.

творениями и эссе, в ее дом навещались именитые литераторы – Лавкрафту довелось сидеть на коленях доктора Оливера Уэнделла Холмса.

Свои самые ранние детские воспоминания Лавкрафт относит к отпуску в Дадли и проживанию в доме Гуини: «Я помню дом с его ужасным баком для воды на чердаке и своего коньячкалку перед лестницей. Также помню доски, положенные, чтобы в дождь не намочить ноги, – и еще лесистую лошину, и мальчика с маленькой винтовкой, который разрешил мне спустить курок, пока моя мать держала меня... Мои первые ясные и связные воспоминания сосредоточены в Оберндейле – тенистые улицы, мост через четыре колеи Бостонской железной дороги, за которым располагался деловой район, дом Гуини на Виста-авеню, огромные сенбернары поэтессы, вечер чтения стихов, на котором меня заставили стоять на столе и декламировать „Матушку-Гусыню“ и другую детскую классику...»

Лавкрафт был слишком мал (ему не было и двух лет), когда он познакомился с Луизой Гуини, и прожил у нее совсем немного, так что было бы опрометчиво доверять его позднему какому бы то ни было отношению к ней. И все же не может не произвести впечатление некоторое сходство между ними. Более того, Лавкрафт рано начал развиваться, и у него была поразительная память, сохранившая воспоминания о его втором году жизни.

Как и позже Лавкрафт, Луиза Гуини презирала дух наживы и мало заботилась о деньгах. Как и он, она была ярым англофилом. Как и он, она чуждалась современного мира и жила прошлыми эпохами. Как и его, ее взгляд на жизнь был бесполом.

Хотя она и была способной писательницей, она предпочитала тратить время на научные монографии о забытых поэтах семнадцатого века, нежели пытаться заработать побольше. Она написала множество стихов. (С сожалением вынужден признать, что я нашел ее поэзию скучной и приторной, Лавкрафту же она казалась невнятной.)

В течение всего этого времени Уинфилд Лавкрафт представляется играющим роль нормального мужа и отца. Г. Ф. Лавкрафт вспоминал, что он частенько подходил к нему, когда тот сидел, само великолепие в черном пиджаке и жилете, полосатых брюках, стоячем воротнике и аскотском галстуке. Он хлопал Уинфилда по коленке и кричал: «Папа, ты выглядишь прямо как юноша!»³⁴

Мне не известно, где Лавкрафты провели осень и зиму 1892–1893 годов, но в любом случае такая жизнь долго не продолжилась. В апреле 1893 года, когда Говарду Лавкрафту было два с половиной года, Уинфилд Лавкрафт отправился по делам в Чикаго. «Он был один в гостиничном номере, как вдруг стал кричать, что на него напала горничная и что его жену насилюют этажом выше»³⁵. Его одели в смиренную рубашку и вернули назад на восток. С тех пор его галлюцинации становились все более частыми, он был объявлен невменяемым, отдан на попечение адвоката Альберта А. Бейкера и помещен в психиатрическую больницу.

Такое положение дел сохранялось пять лет, пока 25 апреля 1898 года Уинфилд Лавкрафт не был помещен (возможно, снова) в состоянии прогрессирующего церебрального заболевания, или «общего паралича душевнобольного», в Больницу Батлера в Провиденсе. Девятнадцатого июля, в возрасте сорока четырех лет, он скончался. Причина смерти в его свидетельстве о смерти обозначена как «распространенный парез».

В наше время «парез» подразумевает расстройства, причиной которых является запущенный сифилис. Поэтому исследователи Г. Ф. Лавкрафта предполагают, что Уинфилд Лавкрафт умер от сифилиса, хотя в девяностых годах девятнадцатого века термин «парез» все еще использовался как общий синоним «паралича».

³⁴ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Дж. В. Ши, 4 февраля 1934 г.

³⁵ Arthur S. Koki «H. P. Lovecraft: An Introduction to his Life and Writings», магистерская диссертация, Columbia University, 1962, р. 9. Год первого расстройства У. С. Лавкрафта указан у Коки неверно – 1898-й.

В 1948 году психиатр и бывший автор «Визрд Тэйлз» доктор Дэвид Г. Келлер написал статью, в которой утверждал, что Уинфилд Лавкрафт не только умер от сифилиса, но и передал его своей жене, так что Г. Ф. Лавкрафт всю свою жизнь страдал от врожденного сифилиса.

Другой психиатр, Кеннет Стерлинг³⁶, лично знавший Лавкрафта, был с ним категорически не согласен. Он заявил, что представления Келлера устарели. Факт заболевания Уинфилдом Лавкрафтом сифилисом доказан не был, и его паралич мог быть вызван другими причинами, нежели сифилис. Но даже если Уинфилд Лавкрафт и был сифилитиком, то у Г. Ф. Лавкрафта был лишь ничтожный шанс получить болезнь.

Врачи сказали мне, что, судя по столь скудным данным, Уинфилд Лавкрафт, вероятно, но не безусловно, был болен сифилисом. Он умер еще до разработки реакции Вассермана в 1907 году. Хотя Уинфилд Лавкрафт, быть может, и не был распутником, как его иногда изображают, можно с уверенностью сказать, что для красивого, франтоватого коммивояжера, женившегося в тридцать пять лет, было бы довольно необычно не иметь половых связей до свадьбы. С другой стороны, ни у Сюзи, ни у ее сына при всех их странностях никогда не было замечено симптомов сифилиса.

Наилучший вывод, который мы можем сделать, заключается в том, что, хотя Уинфилд Лавкрафт, возможно, и умер от сифилиса, вероятность поражения Говарда Филлипса Лавкрафта этой болезнью представляется крайне незначительной.

Неизвестно, был ли Г. Ф. Лавкрафт осведомлен о сомнительной причине недуга своего отца. Он никогда не говорил и не писал об этом, называя нервное расстройство «полным параличом, вызванным перенапряжением мозга учебой и бизнесом»³⁷.

О личных отношениях между Уинфилдом и Сюзи Лавкрафтами практически ничего неизвестно. Г. Ф. Лавкрафт как-то назвал свою мать «недотрогой». Он рассказывал, что после его раннего детства она практически не имела с ним физических контактов³⁸.

На таком шатком основании исследователи Лавкрафта воздвигли внушительное строение догадок. Сюзи, по их словам, наверняка была фригидной. (А почему бы ей и не быть таковой, если она выросла в эпоху, когда множество девушек узнавали о половой жизни лишь в первую брачную ночь, испытывая при этом страшное потрясение?) Поэтому Уинфилд Лавкрафт, нашедший в своей жене сексуальную партнершу, которая в лучшем случае лишь молчаливо уступала, искал развлечений на стороне и так подцепил сифилис.

Но это всего лишь догадки. Однако нездоровое отношение Лавкрафта к сексу должно откуда-то происходить, и его мать представляется здесь наиболее вероятным источником. Возможно, Сюзи, как и множество жен ее поколения, считала секс животным и отвратительным занятием, которому женщины непостижимыми законами Бога были обречены покориться во имя благой цели рождения детей.

Такое видение секса не было удивительным для Новой Англии конца девятнадцатого века. Как объяснял Генри Адамс, «...всякий, кто воспитывался среди пуритан, знал, что секс есть грех... Американское искусство, как и американский язык и американское образование, были бесполоми, насколько только возможно. Общество считало победу над сексом своим величайшим триумфом...»³⁹.

Так что спроектированный дом Лавкрафтов так и не был построен. Вскоре после начала безумия Уинфилда Лавкрафта Сюзи с сыном вернулась в дом своего отца в Провиденсе.

³⁶ Де Камп ошибается: Кеннет Стерлинг не был психиатром. (Примеч. перев.)

³⁷ Свидетельство о смерти У. С. Лавкрафта; David H. Keller «Shadows Over Lovecraft» в «Fresco», VIII, 3 (Spring, 1958), p. 24, содержит ответ Кеннета Стерлинга.

³⁸ Sonia H. Davis «Memories of Lovecraft» в «The Arkham Collector», I, 4 (Winter, 1969), p. 117; «H. P. Lovecraft as his Wife Remembers Him» в «Books at Brown», XI, 1 & 2 (Feb. 1949), p. 7.

³⁹ Henry Adams «The Education of Henry Adams, An Autobiography», Boston: Houghton Mifflin Co., 1918, pp. 384f.

И здесь Уиппл Филлипс затмил остальных членов семьи – жену, «невозмутимую и молчаливую леди старой школы»⁴⁰, старшую дочь Лилиан, эрудированную, но робкую и застенчивую, среднюю Сюзи, теперь погружившуюся в скорбь, и младшую Энни, живую и социально активную. Филлипс наслаждался итальянскими картинами и мозаикой, которые приобрел во время путешествий по Европе. Он носил мозаичные запонки, на одной из которых был изображен Колизей, а на другой – Форум. Как правило, он был весел, за исключением случаев, когда его изнуряли частые головные боли. Его дочь Сюзи унаследовала его склонность к мигрени, от нее она передалась и внуку.

У Филлипса развился юношеский вкус к литературе ужасного и таинственного. Его любимцами были готические писатели конца восемнадцатого-начала девятнадцатого веков: Анна Радклифф, Мэтью Грегори Льюис и Чарльз Мэтьюрин. Видя, что внук выражает сходные интересы, Уиппл Филлипс развлекал мальчика, выдумывая для него истории о привидениях и страшные сказки. Он рассказывал о «черных лесах, огромных пещерах, крылатых кошмарах... старых ведьмах с ужасными котлами и „низких завывающих столах“»⁴¹.

Чтобы излечить мальчика от боязни темноты, Филлипс провел его ночью по почти неосвещенному дому. Средство оказалось таким удачным, что всю последующую жизнь Лавкрафт предпочитал вставать и выходить из дому по ночам.

Уиппл Филлипс был одним из учредителей «Оуайхи Лэнд энд Иригейшн Компани», у которой были амбициозные планы по перекрытию плотиной реки Снейк в Айдахо, близ ее слияния с Бруно. Филлипс часто ездил в Айдахо, он писал своему внуку из города Маунтин-Хоум.

На Г. Ф. Лавкрафта оказали сильнейшее воздействие не только его мать, но также и книги, которые он читал. На него, прирожденного книжного червя, больше влияло печатное слово, нежели его ровня. В сущности, лет до тридцати его представления о мире были в основном сформированы книгами.

Пока Лавкрафт был совсем малышом, Сюзи читала ему обычные волшебные сказки. Вскоре он уже жадно читал сам. Одной из его первых книг была «Сказки» братьев Гримм.

В пять Говард прочел детское издание «Тысячи и одной ночи». Он сразу же влюбился в великолепие средневекового исламского мира и часами играл в арабов. Он «заставил мать устроить в моей комнате восточный уголок из портьер и ладанных курильниц»⁴², собирал восточную керамику и объявил себя мусульманином.

Кто-то из родственников в шутку предложил, чтобы он назвался псевдоарабским именем Абдул Аль-Хазред. Он так и поступил и, более того, позже использовал его в своих произведениях. Вероятно, имя Аль-Хазред произошло от Хазард, фамилии старой семьи с Род-Айленда, связанной с Филлипсами.

Результатом увлечения нехристианскими традициями стало скептическое отношение Лавкрафта к вере своих отцов. Еще до того, как ему исполнилось пять лет, маленький Лавкрафт заявил, что он больше не верит в Санта-Клауса. Дальнейшие размышления привели его к выводу, что доводы в пользу существования Бога имеют те же слабые места, что и доводы в пользу существования Санта-Клауса.

В пять лет Лавкрафта зачислили в детский класс воскресной школы почтенного Первого баптистского молитвенного дома на Колледж-Хилл. Результаты были отнюдь не те, что ожидали взрослые. Когда детям рассказывали о христианских мучениках, отданных на съедение львам, Лавкрафт к ужасу всего класса радостно взял сторону львов. Он писал: «Нелепость мифов, в которые меня, призывали поверить, и мрачная унылость всей веры в сравнении с

⁴⁰ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Р. Кляйнеру, 16 ноября 1916 г.

⁴¹ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Дж. В. Ши, 4 февраля 1934 г.

⁴² Письмо Г. Ф. Лавкрафта Б. О. Двайеру, 3 марта 1927 г.

восточным великолепием магометанства определенно сделали меня скептиком и послужили причиной того, что я стал задавать такие опасные вопросы, что мне позволили прекратить посещения. Ни один ответ по-матерински добросердечной наставницы на все те сомнения, которые я честно и доходчиво выражал, не показался мне убедительным, и я быстро стал меченой „особой“ из-за своего дотошного иконоборчества»⁴³.

Снова оказавшись дома среди любимых книг, юный язычник, уже шести лет, погрузился в античную мифологию: «Всегда жадный до легенд, я случайно наткнулся на „Книгу чудес“ и „Тэнглвудские сказки“ Готорна и пришел в восторг от греческих мифов, даже в онемеченной форме. Затем мое внимание привлекла маленькая книжечка из личной библиотеки моей старшей тети – история об Одиссее, изданная в „Получасовых сериях Гарпера“. Она держала меня в напряжении с первой же главы, и к тому времени, когда я дочитал до конца, я уже навеки был греко-римлянином. Мое арабское имя и все остальное тотчас исчезли, ибо волшебство шелков и красок потускнело перед чудесами храмовых рощ, лугов, в сумерки наполнявшихся фавнами, и манящего голубого Средиземного моря, которое загадочно несло свои волны от Эллады до удивительных и незабываемых земель, где жили лотофаги и лестригоны, где Эол владел ветрами, а Цирцея обращала в свиней, и где на пастбищах острова Тринакрия бродили быки лучезарного Гелиоса. Как можно скорее я раздобыл иллюстрированное издание „Эпохи мифов“ Буллфинча и целиком отдался чтению текста, чарующе сохранившего истинный дух эллинизма, и созерцанию рисунков, великолепных композиций и полутонов традиционных античных статуй и изображений античных предметов. Скоро я был уже неплохо знаком с основными греческими мифами и стал постоянным посетителем музеев классического искусства Провиденса и Бостона. Я начал коллекционировать маленькие гипсовые слепки греческих шедевров и выучил греческий алфавит и основы латыни. Я взял псевдоним „Луций Валерий Мессала“ – латинский, а не греческий, поскольку Рим пленил меня совершенно. Мой дед много повидал, путешествуя по Италии, и доставлял мне огромное наслаждение своими долгими рассказами о ее красотах и памятниках древнего величия. Я рассказываю так подробно об этой эстетической наклонности только для того, чтобы подвести к ее философскому результату – моей последней вспышке религиозного верования. В возрасте примерно семи или восьми лет я был истинным язычником, столь опьяненным красотой Греции, что приобрел почти искреннюю веру в старых богов и природных духов. Я в буквальном смысле воздвиг алтари Пану, Аполлону и Афине и высматривал дриад и сатиров в сумеречных лесах и полях. Раз я твердо поверил, что узрел неких лесных созданий, танцевавших под осенним дубом, – что-то вроде „религиозного опыта“, в некотором смысле такого же истинного, что и субъективный экстаз христианина. Если христианин скажет мне, что ему довелось почувствовать реальность своего Иисуса или Иеговы, я могу ответить, что видел Пана на копытах и сестер гесперийской Фаэтусы»⁴⁴.

Какое-то время юный Лавкрафт воображал, что у него вытягиваются уши, а из лба растут рога. Он огорчился, что его ступни не превратились в копыта, как он того хотел. Когда он впервые прочитал о Риме, его охватило чувство личного родства, и когда бы он ни думал о древнем мире, он всегда представлял себя римлянином.

⁴³ Howard Phillips Lovecraft «A Confession of Unfaith» в «Selected Essays», North Tonawanda, SSR Publications, 1952 (Vol. I of «The Lovecraft Collectors Library», ed. by George Wetzel), p. 19; письмо Г. Ф. Лавкрафта Р. Э. Говарду, 30 октября 1931 г.

⁴⁴ Howard Phillips Lovecraft «A Confession of Unfaith» в «Selected Essays», North Tonawanda, SSR Publications, 1952 (Vol. I of «The Lovecraft Collectors Library», ed. by George Wetzel), p. 20; излагается другими словами в письме Г. Ф. Лавкрафта Э. Ф. Байрду, 3 февраля 1924 г.; Р. Мичаэлю, 20 июля 1929 г.; Р. Э. Говарду, 30 октября 1931 г. (В самом конце цитируемого отрывка Лавкрафт допускает неточность. Фаэтуса – нимфа, дочь бога солнца Гелиоса, пасшая быков отца на острове Тринакрия, и под ее сестрами Лавкрафт, очевидно, подразумевает нимф вообще. Однако с Гесперидами, хранительницами золотых яблок вечной молодости, у нее общее лишь то, что они тоже нимфы. Возможно, вместо «Hesperian» писатель имел в виду «Hyperion» – от «Hyperion», Гиперион, другого имени Гелиоса по его отцу-титану. С другой стороны, ошибка могла произойти при неверном прочтении рукописного оригинала. – *Примеч. перев.*)

В немецком языке есть слово «Wundersucht»⁴⁵ для такого мистического чувства реальности магического и сверхъестественного, которое часто возникает в детстве под действием образов и звуков. Полагаю, что в юности это чувство испытывают многие. И я думаю, что у большинства оно истощается и умирает под гнетом быта.

Некоторые, однако, сохраняют его или, по крайней мере, память о нем. Некоторые пытаются обрести его вновь, обращаясь к мистицизму и оккультизму. Некоторые становятся писателями. Валлийский фантаст Артур Мейчен (1863–1947), который сделал и то, и другое, объяснял: «Затем это стало моим приемом: сочинять рассказ, который воссоздавал бы те неуловимые ощущения чуда, благоговения и тайны, что я сам получал от видов земли моих детства и юности...»⁴⁶

Взрослеющий человек проходит через стадии, когда он готов проникнуться определенными идеями, если они весьма распространены как раз в его время. Он может, так сказать, захлопнуться на них, словно побеспокоенный моллюск, и примкнуть к ним с твердостью воли, превышающей их достоинства. Все мы знаем такие внезапные обращения, скажем, в христианство или в марксизм, но этот феномен может принять и множество других форм.

Так было и с Лавкрафтом. Его скептическое отношение к сверхъестественному – его «нон-теизм» – и любовь к античному миру не были единственными постоянными страстями, сформировавшимися в детстве. Другой была англофилия – страсть ко всему английскому. В Войне за независимость он взял сторону тори, или лоялистов: «...Какая-то внутренняя сила враз принудила меня петь „Боже, храни Короля“ и взять противоположную сторону всему тому, что я читал в проамериканских детских книжках о Войне за независимость. Мои тетушки помнят, что уже в трехлетнем возрасте я хотел красную униформу британского офицера и маршировал вокруг дома в неописуемом „мундире“ ярко-малинового цвета, части ставшего мне маленьким костюма, и в живописном подобии килта, в моем воображении представлявшего двенадцатый Королевский шотландский полк. Правь, Британия! И я не могу сказать, что в моих чувствах произошли какие-то значительные изменения... Все мои глубокие душевные привязанности относятся к нации и империи, а не к американской ветви – и, пожалуй, эта приверженность Старой Англии еще и усилится, поскольку Америка все более и более механизуется, стандартизируется и вульгаризируется, все более и более удаляясь от изначального англосаксонского направления, которое я представляю»⁴⁷.

Англофилия Лавкрафта сохранялась на протяжении всей его жизни, отсюда и его выходка в Лексингтоне. Он мог бы, по его словам, потребовать британского гражданства, основываясь на происхождении своего деда по отцовской линии.

Во время Первой мировой, или «кайзеровской» войны Лавкрафт всем сердцем ненавидел президента Вильсона – за то, что Соединенные Штаты не вступили немедленно в войну на стороне Британии и на протяжении двух с половиной лет сохраняли нейтралитет. Лавкрафт неоднократно заявлял, что Соединенные Штаты (или, по крайней мере, Новая Англия) должны вновь присоединиться к Британской империи. Когда другие пели «Америку», он пел «Боже, храни Короля», когда они пели «Звездное знамя», он пел английскую застольную песню восемнадцатого века «Анакреону на небесах», мелодию которой позаимствовал Фрэнсис Скотт Ки⁴⁸.

⁴⁵ Wundersucht (нем.) – страсть к чудесному. (Примеч. перев.)

⁴⁶ Arthur Machen «The Autobiography of Arthur Machen», Lon.: Richards Pr. 1951, p. 28.

⁴⁷ Письмо Г. Ф. Лавкрафта М. В. Мо, 5 апреля 1931 г.

⁴⁸ «Америка» – патриотическая песня, положенная на музыку «Боже, храни Короля», слова написаны американским баптистским священником и поэтом Сэмюэлем Фрэнсисом Смитом (1808–1895). «Звездное знамя» («Звезды, сияющие на знамени») – патриотическая песня, принятая в 1931 г. Конгрессом США в качестве государственного гимна; слова написаны американским юристом и поэтом Фрэнсисом Скоттом Ки (1779–1843) в 1814 г. во время войны с Англией, положены на музыку английского историка музыки, композитора, певца и органиста Джона Стаффорда Смита (1750–1836), сочинившего ее в 1766 г. для шуточного гимна «Анакреону на небесах» Общества Анакреона, объединявшего лондонских музыкантов.

С этими убеждениями была связана и одержимость Британской империей, каковой она была не во времена Лавкрафта, а в восемнадцатом веке: «Дома все главные книжные шкафы в библиотеке, кабинетах, столовой и других комнатах были заполнены обычным викторианским хламом, большинство же старых книг в потемневших кожаных переплетах... были изгнаны на третий этаж, на стеллажи в чулане без окон. И что же я делал? Что же, скажите на милость, как не ходил со свечами и керосиновой лампой в этот загадочный и темный, как ночь, надземный склеп – покидая солнечные комнаты девятнадцатого века вниз и прокладывая через десятилетия путь в конец семнадцатого, восемнадцатый и начало девятнадцатого посредством бесчисленных рассыпающихся, с длинными f⁴⁹, томов всех размеров и типов – „Спектатора“, „Татлера“, „Гвардиана“, „Айдлера“, „Рамблера“, Драйдена, Попа, Томсона, Юнга, Тикелла, Гесиода в издании Кука, Овидия от „Вариэс Хэндс“, Горация и Федра в издании Фрэнсиса, и так далее, и так далее, и так далее... золотые сокровища, и слава богу, я до сих обладаю ими – это главные экземпляры моей скромной коллекции».

Еще маленьким ребенком Лавкрафт демонстрировал не по годам развитую способность запоминать стихотворения, а в шесть и сам начал сочинять рифмованные стишки. Но они, признался он позже, были столь плохи, что даже он понял их недостатки и взялся за самосовершенствование. Правила стихосложения он почерпнул в «Читателе» Абнера Алдена за 1797 год, который его прадед использовал как учебник, а он нашел на чердаке в 1897–м. Лавкрафт «...вбил себе в голову детский каприз полностью перенестись в прошлое, поэтому начал выбирать только такие книги, которые были совсем старыми – с длинной f... и датировать все свои произведения двумястами годами раньше – 1697–й вместо 1897–го и так далее... Прежде чем я понял это, восемнадцатый век завладел мною даже больше, чем героем „Беркли-Сквер“⁵⁰, поэтому я часами пропадал на чердаке, углубившись в изгнанные из библиотеки вниз книги с длинными s, и неосознанно усваивая стиль Попа и доктора Джонсона как естественный способ выражения»⁵¹.

Лавкрафту претила непристойность Филдинга; хотя он и знал о подобной стороне жизни восемнадцатого столетия, он сокрушался о ней и, насколько мог, игнорировал ее. С другой стороны, он принимал рационализм того времени, который укреплял его в атеистическом материализме.

Такой побег в прошлое отнюдь не уникален. Луиза Гуини и Артур Мейчен идеализировали семнадцатое и предшествующие столетия. Генри Адаме считал себя «рожденным ребенком восемнадцатого века». Однако мало кто, не будучи пациентом психиатрической больницы, довел этот фарс до конца с неумолимостью Лавкрафта. Потакая своей позе восемнадцатого столетия, он употреблял архаичное произношение, вроде «те» для «ту» («мой») и «sarvent» для «servant» («слуга»). Он пытался очистить свою речь от слов и выражений, вошедших в обиход после обретения американскими колониями независимости. В результате он мог сказать: «Думаю, что я, вероятно, единственный из ныне живущих, для кого старинный язык восемнадцатого столетия является действительно родным для прозы и поэзии... естественно принятой нормой и основным языком реальности, к которой я инстинктивно возвращаюсь вопреки всем объективно усвоенным уловкам... Я действительно чувствовал бы себя более уютно в

Во время написания де Кампом книги действительно считалось, песня положена на мотив старинной застольной английской песни. (Примеч. перев.)

⁴⁹ Имеется в виду длинная, или срединная «s» – написание строчной буквы «s» (в обычной форме называемой короткой или конечной) в виде «f», если она встречается в середине или в начале слова; написание возникло как следствие скорописных или курсивных почерков средневековья, подобная практика имела место до конца девятнадцатого века. (Примеч. перев.)

⁵⁰ «Беркли-Сквер» – фильм, снятый в 1933 г. Фрэнком Ллойдом, в котором главный герой – американец из двадцатого века – переносится в Лондон времен Войны за независимость и встречает там своих предков. Лавкрафту очень нравился этот фильм, он смотрел его четыре раза. (Примеч. перев.)

⁵¹ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Б. О. Двайеру, 3 марта 1927 г.; Howard Phillips Lovecraft «Autobiography: Some Notes on a Nonentity», Sauk City: Arkham House, 1963, p. xi.

мундире с серебряными пуговицами, бархатных коротких штанах в обтяжку, треуголке, башмаках с пряжками, парике „рамийи“, шейном платке „штенкерк“⁵² и во всем остальном, что входит в это одеяние, от шпаги до табакерки, нежелезя в простом современном наряде, который лишь здравый смысл заставляет меня носить в эту прозаическую эпоху. У меня всегда было подсознательное чувство, что все после восемнадцатого века нереально или иллюзорно – вроде абсурдного кошмара или карикатуры. Люди кажутся мне какими-то ироничными тенями или призраками – словно если бы я мог заставить их (вместе со всеми их современными домами, изобретениями и видами) раствориться в тонком эфире, просто ущипнув себя, чтобы проснуться, и прикрикнув на них: „Какого черта, вы даже еще не родились и не родитесь еще целых полтора века! Боже, храни Короля, его колонию Род-Айленд и плантации Провиденса!“»

Англия восемнадцатого века и Римская республика оставались любимыми историческими периодами Лавкрафта всю его жизнь. Хотя он и восторгался готической архитектурой, средневековье его «раздражало». По его словам, он любил барокко, потому что это был последний домашний период – последняя эпоха перед промышленной революцией, – и поэтому, согласно его образу мышления, самый по-настоящему «цивилизованный» из всех.

Одержимый барокко, Лавкрафт начал вымучивать из себя псевдогеоргианские двустишия, подражая Аддисону, Драйдену, Попу и их коллегам. В одиннадцать он переплел рукописную книгу своих сочинений под ученым названием «*Poemata Minora*» и посвятил ее «Богам, Героям и Идеалам Древних». Одна поэма, «Ода Селене, или Диане», начиналась так:

Диана, внимли моему прошенью.
Туда неси, мое где счастье есть —
Наперекор волн времени теченью,
Покой души в былом дай мне обрести⁵³.

Хотя данная строфа, несомненно, и отражает мировоззрение Лавкрафта, потеря большинства этих поэм на складе годами позже не представляется невыносимой трагедией.

Когда его старшая тетя вышла замуж за Франклина Чейза Кларка, у него появился товарищ, увлекающийся подобной поэзией. Доктор Кларк был эрудированным врачом, переводившим – для собственного удовольствия – стихотворения Гомера, Вергилия, Лукреция и Стация. Он поддерживал и наставлял пробы пера юного Лавкрафта в георгианской прозе и поэзии.

Однако языческие боги Лавкрафта еще не закончили одаривать его причудами. Филлипы были трезвенниками. Лавкрафт говорил: «Что до моей семьи, в ней вино было под запретом целых три поколения. Лишь около четверти консервативных домов этого района как-то употребляли его».

⁵² Парик «рамийи» – белый парик с короткой косичкой и завитыми по бокам локонами, такие парики носили офицеры армии англо-голландских союзников под командованием герцога Мальборо, победившей французов в сражении при Рамийи в 1706 г. в ходе войны за Испанское наследство. Шейный платок «штенкерк» – способ ношения платка, при котором его концы скручивались вместе и засовывались в петлицу; по преданию, сражение при Штенкерке в 1692 г. в ходе войны за Пфальцское наследство между Аугсбургской лигой (Голландия, Священная Римская империя, Испания, Швеция, Бавария, Пфальц, Саксония и Англия) и Францией началось так внезапно, что французские офицеры не успели правильно повязать платки, что и породило этот небрежный стиль ношения платка. (Примеч. перев.)

⁵³ Henry Adams «*The Education of Henry Adams, An Autobiography*», Boston: Houghton Mifflin Co., 1918, p. 11; письмо Г. Ф. Лавкрафта Р. Х. Барлоу, 16 марта 1935 г.; А. У. Дерлету, 9 сентября 1931 г.; Э. Ф. Байрду, 3 февраля 1924 г. («*Poemata Minora*» (лат.) – «Маленькие стихотворения». Приведенное четверостишие на самом деле является заключительным в стихотворении (впервые опубликовано в «*Tryout*», V, 4 (Apr. 1919), p. 8, под названием «Селене» под псевдонимом Эдвард Софтли). Селена – в греческой мифологии богиня луны; Диана – в римской мифологии богиня растительности, олицетворение луны; обе отождествлялись с Артемидой, богиней плодородия, охоты и луны, и Гекатой, богиней мрака, снов и чародейства. – Примеч. перев.)

В январе 1896 года бабушка Лавкрафта, эта «невозмутимая и молчаливая леди» Роби Плейс Филлипс, умерла. Поскольку в то время к трауру относились со всей серьезностью, женщины Филлипсов надели черные платья, которые «внушили мне [Лавкрафту] такой ужас и отвращение, что я, только лишь для облегчения, тайком прикалывал кусочки ярких тканей или бумаги к их подолам. Им приходилось тщательно осматривать себя перед принятием посетителей или выходом!»⁵⁴

В последовавший период уныния пятилетний Лавкрафт сумел завладеть книгой «Свет и тень» Джона Б. Гофа, активиста движения за трезвый образ жизни. Книга изобиловала откровенными максимами вроде: «Не существует торговли более вредоносной для общества, более опасной для людей и более ожесточающей для дельца, нежели торговля хмельными напитками. ... Не будь напасти пьянства, число преступников было бы таким маленьким, что по меньшей мере две трети тюрем для осужденных преступников оказались бы пустыми. ...» Пиво «питает плотскую и животную натуру. Более всех других напитков оно ответственно за предумышленные и не спровоцированные преступления».

Гоф также стоял за строгое соблюдение воскресенья и осуждал ведение фотоальбомов. Его трезвеннические призывы нашли готового приверженца в лице юного Лавкрафта, ставшего страстным пожизненным сторонником сухого закона. Он похвалялся, что никогда не пробовал спиртных напитков, и через тридцать лет после своего обращения Гофом убеждал своих друзей по переписке, что «существование хмельных напитков, безусловно, почти неослабевающее зло с точки зрения правильно и изысканно развитой цивилизации, ибо я не вижу, что они что-либо дают, кроме как огрубляют, превращают в животное и унижают». Он также сказал: «У меня вызывает тошноту даже вонь находящихся на расстоянии любых алкогольных напитков»⁵⁵. Но, поскольку он присутствовал – и без видимых негативных последствий для своего здоровья – на многих званых вечерах, где подавались спиртные напитки, это заявление, вероятно, было лишь защитной тирадой, нежели фактом.

⁵⁴ Письмо Г. Ф. Лавкрафта З. Б. Рид, 13 февраля 1928 г.; Р. Кляйнеру, 16 ноября 1916 г.; Р. Блоху, примерно 1 сентября 1933 г.

⁵⁵ John B. Gough «Sunlight and Shadow (or Gleanings from My Life Work)», Hartford: A. D. Worthington & Co., 1881, pp. 248, 260, 364; письмо Г. Ф. Лавкрафта З. Б. Рид, 13 февраля 1928 г.; Дж. В. Ши, 10 ноября 1931 г.

Глава третья. Ночные мверзи

*Они из склепа, может, вылезают —
Ночами вижу тварей я с рогами,
Худых, крылатых, черных и с хвостами,
Шипы на коих злобу источают.
Ордой с холодным ветром налетают,
И, больно щекоча меня когтями,
Уносят в бездну с мрачными мирами,
Глубины шахты страха что скрывают⁵⁶.*

Г. Ф. Лавкрафт «Ночные мверзи»

Понимая, что Говард до некоторой степени странный ребенок, Сюзи Лавкрафт сократила траур. Мрачный наряд явно нервировал мальчика.

Юный Лавкрафт мало общался с соседскими детьми, хотя некоторые из них позже вспоминали, как он прятался в кустах и выпрыгивал из них, чтобы напугать их. Он не любил игры: они казались ему такими бессмысленными. «Среди моих немногих товарищей по играм я был весьма непопулярен, поскольку требовал разыгрывать исторические события или же играть по строгому сценарию... Я знал, что дети не любили меня, и я не любил их... Их возня и крики озадачивали меня. Я ненавидел играть и танцевать просто так – в своем отдыхе я всегда жаждал сюжета».

Когда ему было семь, мать попыталась отдать его в танцевальный класс. Он уперся и, уже имея поверхностные знания в латыни, процитировал в оригинале Цицерона: «Nemo fere saltat sobrius, nisi forte insanit!» («Почти никто не танцует трезвым, если только он не безумен»)⁵⁷. Сюзи пришлось отказаться от своей идеи.

Однажды соседка, миссис Уинслоу Чёрч, с тревогой заметила, что на близлежащем поле горит большой участок.

Она вышла и обнаружила, что траву поджег Лавкрафт. Выбранный за то, что создавал угрозу для чужой собственности, он ответил: «Я не поджигал так много. Я хотел, чтобы горело фут на фут». Так намечалась его взрослая страсть к точности.

Иногда из Фостера привозили троюродную сестру Лавкрафта Этель Филлипс, двумя годами старше его, чтобы она составила ему хоть какую-то компанию. Она нашла, что он был не прочь поиграть, пускай и нерешительно, однако был удивительно неумелым. В имении были качели, но Лавкрафт даже не знал, как на них качаться, пока она не показала ему⁵⁸.

В течение этих дошкольных лет Лавкрафт вытаскивал свою мать на множество длительных прогулок. Хотя ходьба была самым близким к хоть какому-то спорту, которым он когда-либо занимался, он испытывал нормальное мальчишеское увлечение железными дорогами и играл во дворе в поезд из тележек, тачек и ящиков.

Дома на столе он строил макеты деревень с домиками из дерева или картона, деревьями и оградами. Общественные здания большего размера он воздвигал из кубиков, и эти городки

⁵⁶ Howard Phillips Lovecraft «Night-Gaunts», 11. 1–8 в «Fungi from Yuggoth and Other Poems», N. Y.: Ballantine Books, Inc., 1971, p. 125.

⁵⁷ Письмо Г. Ф. Лавкрафта М. В. Мо, 1 января 1915 г.; Р. Кляйнеру, 16 ноября 1916 г.

⁵⁸ W. Paul Cook «An Appreciation of H. P. Lovecraft» в H. P. Lovecraft «Beyond the Wall of Sleep», Sauk City: Arkham House, 1943, p. 428; «In Memoriam: Howard Phillips Lovecraft (Recollections, Appreciations, Estimates)», самиздат, 1941, p. 10; беседа с Этель Ф. Морриш, 5 сентября 1972 г.

населялись игрушечными солдатиками. Он разыгрывал их полную историю, включая развитие и упадок или уничтожение.

Он часто пробовал с помощью исторических карт воспроизвести историю реального места – эпохи Древнего Рима, барокко или современной. Спустя неделю или около того модель обычно надоедала ему, и он заменял ее другой. Иногда он строил игрушечную железную дорогу, для которой снисходительные взрослые снабжали его массой составов, путей и различных принадлежностей.

В пять или шесть лет он написал один из своих первых рассказов, «Маленькая стеклянная бутылка». Этот ребяческий пустячок, объемом менее двухсот слов, начинается так: «„Спустить паруса! Что-то плывет с подветренной стороны“, – сказавший эти слова был низким мужчиной коренастого телосложения, его имя было Уильям Джонс. Он был капитаном небольшого ката...»⁵⁹ Плавающий предмет оказывается бутылкой, содержащей записку, которая гласит: «Я Джон Джонс пишу это письмо мое судно стремительно тонет с сокровищами на борту я там где на вложенной карте стоит».

Капитан и его команда направляются к указанному на карте месту к востоку от Австралии. Нырлящик достает еще одну бутылку, на этот раз железную. В ней другая записка: «Дорогой Искатель, извините за грубую шутку, которую я сыграл с вами, но она послужила вам уроком...» Капитан Джонс – понятное дело, раздосадованный – восклицает: «Башку бы ему снес!»

Отнюдь не произведение искусства, рассказ демонстрирует одним лишь своим существованием, что юный автор уже принялся за изучение ремесла рассказчика. Другой ранней попыткой был рассказ – не сохранившийся – «Благородный соглядатай», о «мальчике, подслушавшем в пещере ужасное тайное совещание подземных существ»⁶⁰.

Пускай Лавкрафт и был странным ребенком, его мать выказывала признаки, что становится даже страннее его. В сущности, она ясно показала, что своими причудами Лавкрафт обязан главным образом ей. Она пришла к мысли, что при всей своей одаренности ее мальчик ужасен. Она даже говорила соседям, что он «был таким омерзительным, что ото всех прятался и не любил гулять по улицам, где люди тарасились на него... потому что он не выносил, когда люди смотрели на его ужасное лицо»⁶¹.

В действительности же юный Лавкрафт выглядел совершенно нормально. Когда он возмужал, торчащий нос и длинный подбородок его матери проявились в нем в гораздо большей степени. Несмотря на вытянутое лицо, в своей худобе он был довольно привлекателен.

Ребенок, однако, знал, что думает о нем мать, и это, несомненно, сказалось на укоренении его ночного образа жизни, а также способствовало развитию робости и стеснительности перед женщинами. Еще до того, как Соня стала его невестой, он спросил ее: «Как женщинам может нравиться такое лицо, как у меня?»

Много позже он писал: «Никто из моих предков не выглядел так отвратительно, как я... Лицом я просто пародия или карикатура на своих мать и дядю».

Согласно Лавкрафту, в детстве он страдал от хорей (пляски святого Витта), проявлявшейся в неконтролируемых лицевых тиках и гримасах. Как это обычно и происходит с малой хореей, нервное расстройство со временем прошло, но, возможно, оно и вызвало навязчивую идею Сюзи⁶². К тому же сейчас малая хорейя считается проявлением ревматизма, зачастуюнося-

⁵⁹ Кат – парусное судно с вынесенной к носу мачтой. (Примеч. перев.)

⁶⁰ H. P. Lovecraft and Divers Hands «The Shuttered Room and Other Pieces», Sauk City: Arkham House, 1959, pp. 45f; письмо Г. Ф. Лавкрафта Дж. В. Ши, 19 июля 1931 г.

⁶¹ Arthur S. Koki «H. P. Lovecraft: An Introduction to his Life and Writings», магистерская диссертация, Columbia University, 1962, p. 8; Clara L. Hess в «Providence Journal», 19 Sep. 1948, VI, p. 8, col. 1.

⁶² Sonia H. Davis «Howard Phillips Lovecraft as his Wife Remembers Him» в «Providence Sunday Journal», 22 Aug. 1948, part VI, p. 8, col. 1; «H. P. Lovecraft as his Wife Remembers Him» в «Books at Brown», XI, 1 8c 2 (Feb. 1949), p. 5; письмо Г. Ф. Лавкрафта А. У. Дерлету, 4 декабря 1935 г.; Р. Ф. Сирайту, 5 марта 1935 г.

щего периодический характер. Следовательно, весьма вероятно, что у Лавкрафта было одно или более обострений ревматизма.

Сьюзен не пренебрегала культурным развитием своего сына. В первый раз она сводила его на спектакль в шесть лет. Ему купили игрушечный театр, для которого он сам сделал картонные декорации и персонажей и писал карандашом программки вроде этой, начинающейся:

ТЕАТР «ДРУРИ-ЛЕЙН»
Ноябрь 1779
Труппа представляет Комедию мистера Шеридана
под названием
КРИТИК,
или РЕПЕТИЦИЯ ОДНОЙ ТРАГЕДИИ.

В рождественские каникулы 1897 года, когда Лавкрафту было всего семь, он побывал на субботнем дневном представлении – «Цимбелин» Шекспира в постановке Провиденсского оперного театра. Придя в восторг, он тут же добавил в свой репертуар шекспировские пьесы. Он читал стихи и передвигал игрушечные фигурки по миниатюрной сцене.

Сьюзи водила своего сына и на концерты симфонической музыки. Когда оказалось, что он проявляет интерес к музыке, она наняла учителя скрипки, миссис Уилхейм Нок. Поначалу результаты были многообещающими: ученик обладал превосходными чувством такта и слухом. В течение двух лет, с 1897–го по 1899–й, он послушно пикировал на детской скрипке и преуспел в этом вполне достаточно, чтобы сыграть сольную партию Моцарта перед аудиторией друзей и соседей.

Никогда с легкостью не подчинявшийся утомительным дисциплинам, Лавкрафт все больше и больше ненавидел нудное обучение игре на скрипке. Несмотря на увлечение классицизмом, он оставался равнодушным к Баху, Бетховену и Брамсу. Единственной музыкой, которую он действительно любил, были тогдашние популярные мелодии, такие как «В тени старой яблони», «Милая Аделина» и «Беделия», или музыка из оперетт, например, Гилберта и Салливана.

Когда в возрасте девяти лет у Лавкрафта проявилось нервное расстройство, из-за чего его пришлось забрать из школы, домашний врач порекомендовал приостановить уроки музыки. Лавкрафт никогда больше не играл на скрипке. Классическая музыка, за малым исключением вроде «Полета валькирий» Вагнера и «Пляски смерти» Сен-Санса, которые нравились ему за вызываемые ими ассоциации, так и осталась для него «белым пятном». Иногда он жалел, что не может ценить подобную музыку. Его безразличие к ней тем удивительней, что он был одержим восемнадцатым столетием, в котором из всех видов искусства именно в музыке были совершены самые выдающиеся достижения.

Мальчика также водили на пьесы Уайльда и Пинеро. Лавкрафт не бывал в цирке, потому как семья считала, что его нервы не выдержат толпы, воню и громкого шума⁶³. Через несколько лет заболевание носовых пазух притупило его повышенную чувствительность к запахам, и он понемногу преодолел свой страх перед громкими звуками. Но он никогда не избавился от боязни толпы.

В 1897 году тетя Лавкрафта Энни вышла замуж за Эдварда Фрэнсиса Гэмвелла (1869–1936), некогда преподававшего английский язык в Университете Брауна, а затем занявшего должность ведущего редактора провиденсского «Атлантик Медикал Уикли». На момент

⁶³ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Р. Блоху, ноябрь 1933 г.; Дж. В. Ши, 23 сентября 1933 г.

женитьбы Гэмвелл был редактором отдела местных новостей «Кроникл» Кембриджа, штат Массачусетс. Оставшуюся жизнь он провел в Кембридже и Бостоне, где работал редактором, рекламным агентом и внештатным автором.

В 1898 году Энни родила сына, Филлипса Гэмвелла, а в 1900-м дочь, которая прожила всего лишь несколько дней. В 1916 году ее сын, привлекательный и многообещающий юноша, умер от туберкулеза. Тем временем Эдвард Гэмвелл превратился в горького пьяницу. Энни бросила его и вернулась в Провиденс, где работала в нескольких местах, в том числе и библиотекарем.

Где-то в 90-х годах тетя Лилиан (какое-то время она преподавала в школе) обручилась с доктором Франклином Чейзом Кларком (1847–1915), бывшим учеником Оливера Уэнделла Холмса. Кларк, однако, не мог жениться, поскольку ему приходилось содержать престарелых родителей. Он и Лилиан Филлипс сочетались браком лишь в 1902 году, когда ей было сорок пять, а ему пятьдесят четыре. Неудивительно, что у них не было детей.

19 июля 1898 года, в возрасте сорока четырех лет, Уинфилд Скотт Лавкрафт умер в Больнице Батлера. После закрытой заупокойной службы он был погребен на кладбище Свон-Пойнт, располагающемся рядом с больницей. Его смерть почти никак не повлияла на Говарда Лавкрафта, для которого отец оставался лишь призрачной фигурой.

Уинфилд Лавкрафт оставил состояние в десять тысяч долларов – приличное наследство по тем временам. Он также оставил сыну свое изящное одеяние: черные пиджаки и жилеты, полосатые брюки, аскотские галстуки и трость с серебряным набалдашником. Г. Ф. Лавкрафт не только сохранил эту одежду, но даже носил ее, когда дорос до нее, хотя к тому времени она уже давно вышла из моды.

В конце лета 1898 года Лавкрафт, которому скоро должно было исполниться восемь лет, поступил в начальную школу на Слейтер-авеню, к северу от Энджелл-стрит⁶⁴. Будучи немного близоруким, он начал носить очки и пользовался ими время от времени на протяжении всей своей жизни. В 1925-м, обнаружив, что они вызывают раздражение носа и ушей, он стал обходиться без них и надевал лишь тогда, когда хотел четко разглядеть что-то отдаленное, например, на спектакле или лекции.

Во время 1899/1900 учебного года Сюзи Лавкрафт забрала сына из школы на Слейтер-авеню, предположительно из-за болезни. Говоря об этом событии, друг Лавкрафта Кук заметил: «Я всегда буду считать, что это его мать, а не он, была больной – больной страхом потерять свою единственную оставшуюся связь с жизнью и счастьем».

По-видимому, причиной этого должно было быть нечто большее, нежели один невротичный страх Сюзи, что ее одаренный сын слишком чувствителен и слаб нервами для строгостей публичной школы. Возможно, это был как раз период его ревматизма. Четверть века спустя Лавкрафт писал: «... Мои сверхчувствительные нервы влияли на деятельность моего организма до такой степени, что вызывали множество различных заболеваний. Так, у меня была сильная аритмия, еще более ухудшавшаяся от физического напряжения, и такая острая болезнь почек, что местный врач хотел было даже сделать операцию по удалению камня из мочевого пузыря, не поставь бостонский специалист более точный диагноз, возведя причину заболевания к нервной системе... Затем, у меня была жуткая болезнь пищеварительной системы – тоже, вероятно, вызванная нарушением деятельности нервов – и, сверх того, страшные головные боли, из-за которых я три-четыре дня в неделю не вставал с постели. Они до сих пор время от времени

⁶⁴ Г. Ф. Лавкрафт (в письме Р. Кляйнеру, 16 ноября 1916 г.) сообщил: «Я поступил в последний класс начальной школы», но я ни за что не поверю, что школа позволила бы семилетнему, пускай даже и одаренному мальчику начать обучение с четвертого класса. Вполне возможно, что он поступил во второй. Мюриель Эдди (в личном общении) рассказала, что Энни Гэмвелл «владела известняковой разработкой в Восточном Провиденсе, штат Род-Айленд, которую продала из финансовых соображений, чтобы помочь миссис Лавкрафт после смерти ее мужа». Даты и подробности отсутствуют.

бывают у меня – необъяснимого рода, известные как мигрень, – хотя их и не сравнить с теми, что были раньше».

Он также был подвержен ночным кошмарам, которые описывал так (заключенное в скобки принадлежит Лавкрафту): «Когда мне было шесть или семь лет, меня постоянно мучили странные и периодически повторяющиеся кошмары, в которых существа чудовищной расы (названные мною „ночными мверзьями“⁶⁵ – не знаю, откуда я взял это имя) хватили меня за живот [плохое пищеварение?] и уносили через бесконечную даль черного неба над башнями мертвых и ужасных городов. Наконец они приносили меня в серую пустоту, откуда я видел игольчатые пики гигантских гор милями ниже. А затем они бросали меня – и когда я, словно Икар, начинал падать, то просыпался в таком ужасе, что мне была страшна сама мысль о том, чтобы заснуть снова. „Ночные мверзи“ были черными, худыми и словно резиновыми тварями с рогами, хвостами в шипах, крыльями, как у летучих мышей, и совсем без лиц. Несомненно, я извлек этот образ из спутанных воспоминаний о рисунках Доре (в основном иллюстраций к „Потерянному раю“), которыми наяву восхищался. Они были безголосыми, и их единственной настоящей пыткой было обыкновение щекотать мне живот [снова пищеварение], перед тем как схватить меня и унести прочь. Откуда-то я смутно знал, что они живут в черных норах, испещряющих пик некой невероятно высокой горы. Они являлись стаями примерно из двадцати пяти или пятидесяти тварей и иногда перебрасывались мною меж собой. Из ночи в ночь мне снился один и тот же кошмар лишь с незначительными отличиями – но перед пробуждением я никогда не успевал долететь до тех ужасных горных пиков»⁶⁶.

В основном юный Лавкрафт казался физически нормальным, но он явно страдал тем, что сегодня мы называем психосоматическими заболеваниями⁶⁷, усугубленными нервными страхами и подозрениями его матери. Он немного пролил свет на условия своего детства в написанном позже рассказе, в котором повествуется о вымышленном персонаже, во многом схожем с ним самим: «Он был самым необыкновенным ребенком-ученым, которого я когда-либо знал, и в семь лет он писал стихотворения мрачного, фантастического, почти ненормального характера, поражавшие окружающих его учителей. Возможно, домашнее образование и изоляция, в которой его всячески баловали, как-то сказались на его раннем расцвете. Единственный ребенок, он страдал органическими заболеваниями, которые держали в страхе любивших его до безумия родителей, из-за чего они ни на шаг не отпускали его от себя. На улицу он выходил только в сопровождении няни, и ему редко выдавалась возможность свободно поиграть с другими детьми. Все это, несомненно, питало странную скрытую духовную жизнь, в которой воображение было единственным способом выражения свободы»⁶⁸.

Каковой бы ни была причина – нервное заболевание, придирки одноклассников, безумная опека его матери или какое-то их сочетание, – из школы его забрали. Поначалу дома его обучали мать, бабушка и тетя Лилиан. Затем наняли учителей, в том числе и некоего А. П. Мэя.

Лавкрафт обучался вне школы более двух лет. В течение этого времени, помимо уроков, он жадно читал. Он прочел приключенческие романы для мальчиков таких авторов, как

⁶⁵ Эти фантастические твари были подробно описаны Г. Ф. Лавкрафтом в повести «Сновиденческие поиски Кадафа Неведомого» (1927), а также в одноименном сонете (см. эпиграф к данной главе). Оригинальное «Night-Gaunts» (прилагательное «gaunt» означает «голодный; худой, костлявый; мрачный, отталкивающий», формы существительного не существует) в русских переводах передается по-разному: «крылатые твари» (К. Королев, Д. Афиногенов), «ночные призраки» (О. Алякринский) и, на наш взгляд, самая удачная трактовка – «ночные мверзи» (С. Л. Степанов). (Примеч. перев.)

⁶⁶ Письмо Г. Ф. Лавкрафта М. В. Мо, 1 января 1915 г.; W. Paul Cook «An Appreciation of H. P. Lovecraft» в Я. Р. Lovecraft «Beyond the Wall of Sleep», Sauk City: Arkham House, 1943, p. 428; письмо Г. Ф. Лавкрафта Р. Х. Барлоу, 10 апреля 1934 г.; В. Финлею, 24 октября 1936 г.

⁶⁷ То есть телесными заболеваниями, возникновение, течение и исход которых обусловлены психическими факторами. (Примеч. перев.)

⁶⁸ Я. Р. Lovecraft «The Outsider and Others», Sauk City: Arkham House, 1939, p. 217; «The Dunwich Horror and Others», Sauk City: Arkham House, 1963, p. 281; письмо Г. Ф. Лавкрафта Дж. В. Ши, 22 декабря 1932 г. (Прочитирован отрывок из рассказа Г. Ф. Лавкрафта «Тварь на пороге» (1933). – Примеч. перев.)

Джордж А. Хенти, Эдвард С. Эллис и Кирк Манро. Он проглотил приключения пары вымышленных сыщиков, Олд-Кинга Брэди и Янг-Кинга Брэди, из «Секретной службы» и других бульварных изданий.

«Затем, – вспоминает Лавкрафт, – я был сражен ЭДГАРОМ АЛЛАНОМ ПО! Это была моя гибель, ибо в возрасте восьми лет голубой небосвод аргонатов и Сицилии для меня затмился миазматическими испарениями могил!» По так и остался его увлечением на всю жизнь, неизменно оказывая на него сильнейшее влияние. Он также узнал о сексе: «Что касается столь прославленной „правды жизни“⁶⁹, я не дожидаясь рассказа от кого-либо, а досконально изучил весь предмет в медицинском разделе семейной библиотеки... когда мне было восемь лет, – в „Анатомии“ Квэйна (со множеством иллюстраций и схем), „Физиологии“ Данглинсона и т. д. и т. п. Это было вызвано любопытством и недоумением над странной сдержанностью и смущением в разговорах взрослых, непонятными намеками и эпизодами в обычной литературе. Результат был совершенно противоположен тому, чего обычно опасаются родители – ибо вместо того, чтобы вызвать во мне повышенный и преждевременный интерес к сексу (как это было бы из-за неудовлетворенного любопытства), эта тема практически перестала меня интересовать. Дело было низведено до прозаичного механического процесса – процесса, к которому я относился скорее с презрением или, по меньшей мере, считал отталкивающим из-за его чисто животной природы и чуждости таким вещам, как интеллект и красота, – и лишено всякой драмы»⁷⁰.

Он продолжал читать писателей семнадцатого и восемнадцатого веков, а также их переводы греко-римской классики. Они вдохновили его на попытку создания эпической поэмы в подобном стиле. Озаглавленная «Поэма об Улиссе, или Новая Одиссея», она начиналась так:

Ночная тьма! О ттец, внимай, узри Улисса флот!
Уж скоро дом, с побед венком с женой он встречи ждет.
Он воевал и Трою взял, всю до стены разбив.
Но моря бог ему шлет рок, в ловушку заманив...⁷¹

Лавкрафт также возобновил свои эксперименты в прозе. Один из рассказов, «Тайная пещера, или Приключение Джона Ли» (1898), завязывается следующим образом: «„А теперь будьте хорошими детьми, – сказала миссис Ли, – пока меня не будет, и не проказничайте“. Мистер и миссис Ли уезжали на весь день, оставляя двух детей, Джона десяти лет и двухлетнюю Элис. „Хорошо“, – ответил Джон...»

Сокращая и без того короткий рассказ, Джон и Элис исследуют подвал. Стена падает, и за ней открывается тоннель. Они заходят в него и находят маленький сундучок. Затем они пытаются раскопать конец тоннеля, откуда вырывается поток воды, и сестра тонет. Джону удается спастись с ее трупом и сундучком, открыв который, «...они выяснили, что это цельный слиток золота стоимостью примерно десять тысяч долларов – достаточно, чтобы заплатить за все, кроме смерти его сестры. Конец»⁷².

В 1898 или 1899 году появился рассказ «Тайна кладбища, или Месть мертвеца». Техника повествования Лавкрафта развилась до разделения истории на двенадцать глав – которые, впрочем, имели объем от пятидесяти до ста слов. Рассказ – общим объемом более пятисот слов – по-прежнему демонстрирует скорее верность писательской стезе: «В маленькой деревушке Мейнвилл был полдень, и у могилы Бёрнса стояла скорбная группа людей. Джозеф Берне умер.

⁶⁹ Английское выражение «facts of life» также имеет значение «сведения о половой жизни». (Примеч. перев.)

⁷⁰ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Б. О. Двайеру, 3 марта 1927 г.; Дж. В. Ши, 4 февраля 1934 г.

⁷¹ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Б. О. Двайеру, 3 марта 1927 г.; Р. Мичаэлю, 8 июля 1929 г.

⁷² Н. Р. Lovecraft and Divers Hands «The Shuttered Room and Other Pieces», Sauk City: Arkham House, 1959, pp. 46f.

(Умирая, он отдал следующее странное распоряжение: „Прежде чем вы опустите мое тело в могилу, бросьте этот шар на пол, в месте, обозначенном А“. Затем он отдал маленький золотой шар приходскому священнику.)»

Священник, мистер Добсон, выполняет распоряжение и исчезает. Дочь Добсона звонит в полицейский участок и кричит: «„Вышлите Кинга Джона!“ Кинг Джон был известным сыщиком на Западе». Похититель убегает, но его вместе с пособниками арестовывают, когда они садятся на корабль, направляющийся в Африку. Во время суда появляется Добсон и рассказывает о своем заточении в склепе под могилой. Это был заговор покойника и его брата против Добсона⁷³.

Пещеры, склепы, подвалы и тоннели являлись характерной чертой произведений Лавкрафта на протяжении всей его жизни. Из детского периода сохранился еще один рассказ – «Таинственный корабль», с подзаголовочными данными «Роял Пресс 1902»: Лавкрафт начал думать о технике книгоиздания.

Этот рассказ, объемом менее пятисот слов, разделен на девять глав. Некоторые из них, впрочем, состоят из одного-двух предложений, так что сохранившееся произведение является скорее наброском, нежели готовым рассказом.

Он повествует о похищении трех человек подлым латиноамериканцем, который увозит их на подводной лодке в Арктику. «На Северном полюсе существует обширный континент, образованный вулканическими породами, часть его доступна для исследователей. Он называется „Ничейная Земля“»⁷⁴. Полярные области, как и подземные залы и галереи, всегда привлекали Лавкрафта.

Юный писатель аккуратно записывал эти рассказы печатными буквами, а затем сшивал страницы. Он написал и другие истории, но в восемнадцать лет просмотрел их и нашел такими омерзительными, что уничтожил все, за исключением нескольких, сохраненных его матерью. Как он рассказывал, они были написаны «в стиле Джонсона, которому мог следовать лишь педант примерно 1810 года». В действительности рассказы были не хуже, чем большинство подобных детских проб, но писатели имеют обыкновение относиться к собственным ранним произведениям чересчур критически.

Прежде чем Лавкрафт продвинулся в писательском ученичестве, им овладел новый интерес. В библиотеке Филлипса был Полный словарь Уэбстера 1864 года издания. В то время в конце словаря публиковался раздел, в котором повторялись иллюстрации из текста, разбитые на категории. В 1898–м Лавкрафт тщательно разглядывал эти рисунки.

Первым его привлек мифологический раздел, и античные мифы, в которых рассказывалось о созвездиях, возбудили его интерес к астрономии. Затем он погрузился в «старину, средневековые одеяния и доспехи, птиц, животных, рептилий, рыб, флаги всех стран, геральдику и т. д., и т. п.» Его буквально загипнотизировал раздел «Философские и научные инструменты», и он жадно изучал гравюры с изображениями «реторт, перегонных кубов, эолипилов, криофоров, квадрантов, анемометров, тиглей, телескопов, микроскопов и так далее». Для мальчика эти инструменты заключали в себе магический смысл, поскольку он встречал рисунки с подобными приборами в книгах по алхимии и астрологии.

Химические приборы так увлекли его, что он решил обзавестись собственной лабораторией. И в марте 1899–го в его распоряжение была отдана подвальная комната. Тетя Лилиан купила ему какой-то простой прибор и книгу «Юный химик» профессора Университета Брауна Джона Говарда Апплетона, друга семьи. Вскоре ошастливленный Лавкрафт возился в

⁷³ Ibid., pp. 48–52.

⁷⁴ Ibid., pp. 52f.

своем склепе, производя дым, зловоние, а иногда и небольшие взрывы, и выводя на стенах алхимические символы⁷⁵.

К осени 1902-го Лавкрафта, достигшего двенадцати лет, сочли вполне здоровым для возвращения в школу. Он поступил в шестой класс школы на Слейтер-авеню. Он проучился там два года, с перерывами из-за «нервов». Наверстывать пропущенные занятия ему помогали домашние учителя.

Тогда ему удалось влиться в общество больше, нежели в любой другой период своей жизни. Иногда его, несомненно, задирали и дразнили, в ответ на что он принимал позу «крутого парня». Мальчишки прозвали его «Милочка», что Лавкрафт, понятное дело, ненавидел. Он вспоминал: «Пока мне не исполнилось шестнадцать или семнадцать, у меня было несколько довольно жестоких драк (которых я не избегал, но в которых мне почти всегда крепко доставалось, за исключением одного раза, когда мне удалось запугать противника эффектным кровавым выражением лица и голосом)... характера „ей-богу, я тебя убью!“»

Тем не менее у него появилось несколько друзей, самыми большими из которых были братья Честер Пирс Манро (1889–1943) и Гарольд Бэйтимен Манро (1891–1966), затем три брата Бэнигэн, чья семья подарила ему две крошечные старинные ирландские статуэтки зеленого цвета, и еще несколько мальчиков. Лавкрафт уговорил друзей помочь ему построить модель деревни на близлежащем незанятом участке земли. Они организовали «Армию Слейтер-авеню», «которая вела войны в прилегающих лесах, и, хотя мои драматургические предложения не всегда принимались с полной терпимостью, мне удавалось довольно неплохо ладить с моими „товарищами по оружию“...». Он и Честер Манро претендовали на совместный титул самых плохих мальчиков школы на Слейтер-авеню, «не столько активных разрушителей, сколько просто заносчивых и сардонических аморалистов – выражавших протест личности против капризной, деспотичной и мелочной власти»⁷⁶.

Став страстным почитателем приключений Шерлока Холмса⁷⁷, Лавкрафт организовал со своими друзьями «Провиденское детективное агентство»: «У нашего формирования был очень строгий устав, и в своих карманах мы носили обычное характерное снаряжение, состоящее из полицейского свистка, лупы, электрического фонаря, наручников (иногда простой бечевки, но все-таки „наручников“!), жестяного значка (я до сих пор храню свой!!), рулетки (для отпечатков ног), револьвера (мой был настоящим, у инспектора Манро (двенадцать лет) был водяной пистолет, а инспектор Апхэм (десять лет) перебивался пистонным) и копий всех газетных сообщений об отъявленных преступниках на свободе – плюс газета под названием „Детектив“, которая публиковала портреты и описания знаменитых преступников в розыске. Оттопыривались ли и отвисали наши карманы от этого снаряжения? Еще как, скажу я!! Также у нас были тщательно изготовленные „удостоверения“ – свидетельства, подтверждавшие нашу хорошую репутацию в агентстве. Простыми скандалами мы пренебрегали. Нас устраивали лишь грабители банков да убийцы. Мы шпионили за множеством подозрительно выглядевших типов, старательно сравнивая их физиономии с фотографиями из „Детектива“... Наш штаб располагался в заброшенном доме сразу за густонаселенным районом, и в нем мы разыгрывали и „разгадывали“ множество ужасных трагедий. Я до сих пор помню, как я корпел над поддельными „пятнами крови на полу“!!!»⁷⁸

⁷⁵ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Б. О. Двайеру, 3 марта 1927 г.; Г. О. Фишеру, конец января 1937 г.; А. Галпину, 29 августа 1918 г.; Дж. Ветцель (в личном общении).

⁷⁶ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Р. Х. Барлоу, 24 мая 1935 г.; Дж. В. Ши, 4 февраля 1934 г.; Р. Блоху, примерно 1 сентября 1933 г.; Р. Кляйнеру, 16 ноября 1916 г.; Х. В. Салли, 4 декабря 1935 г.

⁷⁷ Шерлок Холмс – вымышленный сыщик, герой произведений английского писателя Артура Конана Дойла (1859–1930), прославившийся своим «дедуктивным методом» раскрытия преступлений. (Примеч. перев.)

⁷⁸ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Р. Кляйнеру, 16 ноября 1916 г.; А. У. Дерлету, 17 февраля 1931 г.; А. Галпину, 27 мая 1918 г. Этот дом, вероятно, располагается на Грейт-Мидоу-Хилл, Лавкрафт посетил его с Гарольдом Манро летом 1921 г., см. письмо Г. Ф. Лавкрафта Р. Кляйнеру, 11 августа 1921 г.

Также Лавкрафт отвечал за секцию ударных в другой мальчишеской группе – «Блэкстонском военном оркестре». Руками он бил в барабан, одной ногой играл на тарелках, а другой на треугольнике и при этом дул в зобо – маленький медный рожок, который держат в зубах.

С друзьями он устраивал тайные курительные оргии. Доказав таким образом свою мужественность, в четырнадцать он навсегда отверг табак. Позже он утверждал, что нашел табачный дым тошнотворным. «Самым большим ужасом на земле для меня является вагон для курящих».

В 1900 году Лавкрафту подарили велосипед, первый из трех, которые у него были. В 1913–м, во время гонки с другим мальчиком, он неудачно упал и сломал нос. Позже он переживал по поводу этого перелома, хотя на его фотографиях никаких повреждений не заметно. Также у него был черный кот, Черномазый, к которому он был очень привязан. В целом он вспоминал эти годы как самое счастливое время в своей жизни.

Наряду с этими нормальными мальчишескими занятиями Лавкрафт продолжал интеллектуально развиваться. Он прочитал все романы Жюль Верна, какие только смог достать. Помимо химии его интересами стали география и астрономия. В астрономию его ввели давно устаревшие книги тети Лилиан. В двенадцать он начал добавлять в коллекцию собственные новейшие учебники по этой науке. В библиотеке также были книги, унаследованные по нескольким линиям предков, датированные восемнадцатым веком, когда издатели все еще использовали «длинную s».

В 1899 году Лавкрафт начал издавать рукописную газету «Сайнтифик Газетт» («Научная газета»): он делал один оригинал и (как правило) четыре копии через копировальную бумагу для семьи и друзей. Скоро он «открыл мириады солнц и миров в бесконечном космосе». Затем к «Сайнтифик Газетт» добавился «Род Айленд Джорнал оф Астрономи» («Род-айлендский астрономический журнал»), оба издания с некоторыми перерывами выходили до 1909 года. «Сайнтифик Газетт» в основном была посвящена химии и большей частью состояла из пересказов из его учебников по химии. Другие публикации содержали данные о местоположении небесных тел, сообщения об астрономических наблюдениях самого Лавкрафта и сводки газетных статей о таких событиях, как открытие восьмого спутника Юпитера в 1908 году.

В феврале 1903–го у Лавкрафта появился его первый телескоп. Это был прибор за девятью центом с трубами из папье-маше, купленный в магазине «заказы почтой». В июле мать подарила ему телескоп получше, диаметром два с четвертью дюйма, с пятидесяти стократным окулярами, он стоил шестнадцать с половиной долларов. Местный ремесленник за восемь долларов сделал для него треногий штатив. В 1906–м Лавкрафт обзавелся третьим телескопом, с трехдюймовым рефрактором, от «Монтгомери Уорд» за пятьдесят долларов. Этот прибор, уже помятый и покрытый ржавчиной, все еще хранился у него даже через тридцать лет.

Начиная с 1903 года Лавкрафт провел множество ночей, наблюдая за звездами. Другой университетский друг семьи, профессор Университета Брауна Уинслоу Аптон, разрешил ему посещать Обсерваторию Лэдда, расположенную на одной из высших точек Колледж-Хилла в миле от дома Филлипса. Там он мог смотреть через двенадцатидюймовый рефрактор. Долгие часы Лавкрафт всматривался в окуляр телескопа, и позже он объяснял появившуюся у него привычку задираť голову набок как результат этого занятия.

Еще у него были микроскоп, два спектроскопа и спинтарископ для наблюдения действия радиоактивности. Развиваясь события благоприятным образом, Лавкрафт действительно мог бы стать настоящим ученым или, по крайней мере, преподавателем естественных наук.

Начиная с 1900 года Филлипсы испытывали всё возрастающие финансовые затруднения. Разрушение плотины на реке Снейк в Айдахо поставило под угрозу «Оуайхи Лэнд энд Иригейшн Компани» Уиппла Филлипса. Под его энергичным руководством началось возведение

второй плотины. Но и она разрушилась, и «Оуайхи Компани» оказалась на грани разорения. Уиппл Филлипс, президент и казначей компании, решительно ввел в доме суровую экономию.

Поначалу юный Лавкрафт, тщательно ограждаемый от потрясений, едва это заметил. Когда был уволен конюх и проданы лошади и экипаж, он ликовал, получив в распоряжение целую конюшню, которую мог использовать в качестве игровой комнаты и собственного клуба: «Армия моих игрушек, книг и других детских радостей поистине была неисчислимой, и я сомневаюсь, что когда-либо размышлял о таких вещах, как изменчивое благополучие или непостоянство богатства. Бедные были просто необычными животными, о которых говорили притворно, и которым давали деньги, еду и одежду... как „язычники“, которых всегда поминали верующие. Деньги как четко выраженное представление полностью отсутствовали в моем кругозоре».

Но Лавкрафт любил лошадей и позже сожалел, что их продали до того, как он смог научиться ездить верхом. Поскольку было уволено еще несколько слуг, догадка о нависшем роке наконец озарила даже неземное сознание Лавкрафта: «Мое душевное состояние было угнетено смутным ощущением надвигающегося несчастья». 10 апреля 1902 года тетя Лилиан вышла замуж за доктора Кларка, оставив огромный дом Уипплу Филлипсу, его овдовевшей дочери и внуку.

Воскресным вечером 27 марта 1904 года Уиппл Филлипс был в гостях у своего близкого друга, члена городского управления Грея, где его схватил «паралитический удар»⁷⁹. На следующий день, незадолго до полуночи, он умер в своем доме. Ему было семьдесят лет.

Он оставил по пять тысяч долларов трем своим дочерям и по две с половиной тысячи внукам, Говарду Филлипсу Лавкрафту и Филлипсу Гэмвеллу. Лавкрафт также унаследовал коллекцию ружей деда. Остальное имущество Уиппла Филлипса должно было быть поровну распределено между четырьмя его детьми, но, кроме некоторой доли в род-айлендских каменоломнях, делить было не так уж и много.

Без инициативности Филлипса «Оуайхи Лэнд энд Иригейшн Компани» вскоре была закрыта, а особняк на Энджелл-стрит, 454 продан. Он превратился в гнездовье врачебных кабинетов и в 1961 году был снесен для постройки многоквартирного дома.

⁷⁹ Письмо Г. Ф. Лавкрафта З. Б. Рид, 8 сентября 1927 г.; Э. Ф. Байрду, 3 февраля 1924 г.; Р. Ф. Сирайту, 16 апреля 1935 г.; М. В. Мо, 5 апреля 1931 г.; Р. Кляйнеру, 16 ноября 1916 г.; «Providence Journal», 31 Mar. 1904.

Глава четвертая. Избалованный гений

*В полночь в вереске взывают,
В кипарисах воздыхают,
В ветре бешено летают
Существа из адской мессы
Средь ветвей сухих скрипят,
У болота говорят,
За обрывами вопят —
То отчаяния бесы⁸⁰.*

Г. Ф. Лавкрафт «Отчаяние»

Сюзи Лавкрафт и ее повзрослевший сын переехали в дом через три квартала к востоку от особняка Филлипсов, номер 598–600 по Энджелл-стрит. Они арендовали первый этаж, имевший номер 598. Хотя в новом жилище было пять комнат, а также возможность пользоваться чердаком и подвалом, у юного Лавкрафта переезд вызвал потрясение: «Я впервые узнал, что такое переполненный, с еще одной семьей, дом без прислуги. Рядом был свободный участок земли (хотя и он был позже застроен, когда я уже вырос), которым я фазу же стал пользоваться как ландшафтным парком и оживил его деревушкой с домами из ящика из-под пианино, но даже это не смягчило моей тоски. Я чувствовал, что утратил связь со вселенной – ибо, действительно, чем был Говард Филлипс Лавкрафт без достопамятных комнат, коридоров, портьер, лестниц, скульптур, картин... дворов, аллей, вишневых деревьев, фонтана, увитой плющом арки, конюшни, садов и всего остального? Как мог старик четырнадцати лет (а я действительно чувствовал себя стариком!) приспособиться к тесной квартире, новому домашнему распорядку и худшей внешней окружающей обстановке, в которых не осталось ничего знакомого? Продолжать жить казалось чертовски бесполезным делом... Мой дом был моим идеалом Рая и источником вдохновения – но ему было суждено претерпеть осквернение от чужих рук. С того дня жизнь для меня имела только одну цель: вернуть старое место и восстановить его величие – цель, которой, боюсь, я никогда не смогу достигнуть»⁸¹.

Словно венчая скорбь Лавкрафта, пропал его любимый кот, Черномазый.

«Что за парень он был! На моих глазах он вырос из крошечного черного комочка в одно из самых очаровательных и смысленных созданий, которых я когда-либо встречал. Он разговаривал на настоящем языке различных интонаций, в котором для каждого значения был свой особый тон. Был даже специальный „мрррр“ для запаха жареных каштанов, которые он просто обожал. Он играл со мной в мячик – ударяя по большому резиновому шару всеми четырьмя лапами, потому что лежал на полу, и посылая его ко мне через полкомнаты. А летними вечерами в сумерках он, бывало, доказывал свое родство с волшебными тенями, носясь по лужайке с неизвестными поручениями, мелькая в черноте кустарника то здесь, то там, иногда выпрыгивая на меня из засады и снова скрываясь в неизвестности, прежде чем я успевал его схватить»⁸².

В своей ярко выраженной территориальности Лавкрафт, пожалуй, сам был как кошка, он даже как-то сказал: «Я обладаю поистине кошачьим интересом и привязанностью к местам».

⁸⁰ Howard Phillips Lovecraft «Despair», 11. 1–8 в «Fungi from Yuggoth and Other Poems», N. Y.: Ballantine Books, Inc., 1971, p. 80.

⁸¹ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Дж. В. Ши, 4 февраля 1934 г.

⁸² Письмо Г. Ф. Лавкрафта Г. О. Фишеру, 10 января 1937 г. В письме Д. У. Римелу от 23 июля 1934 г. Лавкрафт сообщает: «У меня было несколько петушков», но не указывает, когда они у него были. Полагаю, до марта 1904 года, когда он еще жил на Энджелл-стрит, 454.

Возможно, Черномазому не понравился переезд так же сильно, как и его хозяину, и он просто отказался жить в новом доме. Но в любом случае Лавкрафт никогда больше не заводил другого домашнего животного.

Для большинства молодых людей подростковый возраст является периодом стрессов, когда обычны мысли о самоубийстве. Он ударил ограждаемого сверх всякой меры Лавкрафта с невероятной силой: «Больше не было домашних учителей – в сентябре средняя школа, которая наверняка окажется чертовски скучной, поскольку там нельзя быть таким же свободным и беспечным, как во время отрывочных посещений школы на Слейтер-авеню... О, черт!! Почему бы не отбросить сознание совсем? Вся жизнь человека и планеты была лишь космическим мигом – так что многого я бы не пропустил. Единственной заботой был способ. Мне не нравились грязные уходы, я облагородил те, что трудно осуществить. Действительно хорошие яды достать было нелегко – те, что имелись в моей лаборатории (я восстановил ее в подвале на новом месте), были грубыми и мучительными. От пуль были бы брызги, и они были ненадежны... Ладно – что привлекало меня больше всего, так это теплая, неглубокая, поросшая камышом речка Баррингтон, ниже по восточному берегу залива. Я взял в привычку ездить туда на велосипеде и созерцать ее. (Тем летом [1904 года] я всегда был на велосипеде, желая быть как можно дальше от дома, поскольку мое жилище напоминало мне о доме, которого я лишился.) Как было бы легко продраться сквозь камыш и лечь лицом вниз в теплую воду, пока не придет забвение. Поначалу была бы некоторая булькающая или удушающая непривлекательность – но скоро она бы закончилась. Затем долгая мирная ночь небытия... которой я наслаждался с мифического начала вечности до 20 августа 1890 года».

Отменил этот план не столько естественный порыв самосохранения, сколько еще одна черта характера Лавкрафта: интеллектуальное любопытство. Там, где большинство людей жаждут физических наслаждений в еде, выпивке и сексе, Лавкрафт стремился к знаниям: «И все-таки некоторые причины – в особенности научная любознательность и чувство мировой драмы – удержали меня. Многое в мироздании сбивало меня с толку, и я знал, что смогу вывести ответы из книг, если проживу и проучусь дольше. Геология, например. Как именно эти древние отложения и наслоения кристаллизовались и поднялись в гранитные пики? География – что именно Скотт, Шеклтон и Борхгревинк найдут в великой белой Антарктике в свои следующие экспедиции... до которых я мог бы – если бы захотел – дожить, чтобы увидеть их результаты? И еще история – когда я размышлял, что после смерти уже ничего не узнаю, то вдруг с тревогой осознал, что мне еще многое неведомо. Повсюду были дразнящие пробелы. Когда люди перестали разговаривать на латыни и перешли на итальянский, испанский и французский? Что, черт возьми, происходило во времена мрачного средневековья во всем остальном мире, кроме Британии и Франции (чью историю я знал)? А как же обширнейшие бездны пространства за всеми известными землями – те пустынные зоны, на которые намекали сэр Джон Мандевиль и Марко Поло? ... Тартария, Тибет... А неизвестная Африка? Я осознавал, что множество вещей, бывших для меня загадками, не являлись таковыми для других. Прежде я не возмущался недостатком своих знаний, поскольку полагал, что однажды все выясню – но теперь, когда появилась мысль, что я никогда не узнаю, меня уязвило чувство неудовлетворенного любопытства. Еще математика. Мог ли порядочный человек пристойно умереть, не продемонстрировав на бумаге, почему квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов двух других сторон? Так что в конце концов я решил отложить свой уход до следующего лета».

Средняя школа, однако, оказалась приятным сюрпризом: «Да, той осенью я обнаружил, что вместо скуки средняя школа доставляет удовольствие и оказывает стимулирующее воздействие, и уже следующей весной возобновил издание „Род Айленд Джорнал оф Астрономи“, который совсем запустил... Наставники с Хоуп-стрит быстро поняли мой нрав, как его никогда не понимал Эбби [Хэтэвей, директор школы на Слейтер-авеню], и, отбросив всякое стеснение, сделали меня явно равным и своим товарищем, с тем чтобы я перестал думать о дисциплине,

а просто вел себя как джентльмен среди джентльменов. С преподавательским составом Хоуп-стрит в течение всех четырех лет, что я там оставался, у меня были только приятнейшие отношения».

Хотя Лавкрафт не принимал участия в спортивных и других факультативных занятиях, он довольно неплохо ладил с одноклассниками. Он понял, что для неискушенного в драках при столкновении с задирами свирепое лицо и кровавые угрозы менее действенны, нежели видимость вежливой и спокойной невозмутимости. Он принимал эту объективную, бесстрастную позу так основательно, что уже взрослым действительно думал о себе как о человеке, практически не имеющем эмоций, – думающей машине или бестелесном интеллекте. Некоторые из его одноклассников позже говорили, что пытались подружиться с ним, но наталкивались на выражение холодного безразличия. Другие запомнили его «полнейшим психом».

В действительности Лавкрафт совсем не был холодным и бесстрастным. Его чувства – симпатии и неприязни, увлечения и отвращения – были так же сильны, как и у других. Но он проявлял твердость характера столь долго, что ему стало трудно открыто выражать свои эмоции.

В первый учебный год средней школы (1904–1905) Лавкрафт успевал хорошо, со средним баллом 81. Его лучшим предметом была латынь (87), а худшим – алгебра (74)⁸³. Он вспоминал это время как период интеллектуального возбуждения и открытий.

«Физика первого года поставила вопросы, связанные с природой видимых явлений и процессов во вселенной, которые мои прежние знания по химии и астрономии даже не предполагали... Возможно ли было, чтобы просвещенным людям были известны теории о фундаментальном строении космоса, которые свели на нет все мои самоуверенно выстроенные концепции? И бог мой! Каким сюрпризом оказалась история. Все великолепие Византийской империи и ее враждебные отношения с вычурным исламом, которые моя детская „Тысяча и одна ночь“ и поздние астрономические штудии... так приблизили ко мне, внезапно исчезли из моего поля зрения – и впервые я услышал об исчезнувшей минойской культуре, которую сэр Артур Эванс как раз тогда усердно раскапывал на Крите. Ассирия и Вавилон также выступили с большей выразительностью, чем когда-либо прежде, – и я наконец-то услышал о вечной загадке острова Пасхи. Что за мир! Почему, о боже, человек может быть вечно занят, даже в чуждом окружении, узнавая новые факты...»

За тот год Лавкрафт пропустил восемнадцать дней и опоздал семнадцать раз. По поводу его постоянных опозданий строились догадки. Предполагали, например, что он медлил на пути в школу, чтобы избежать задир, или просто из-за своей мизантропии⁸⁴. Но в действительности подобные подозрения излишни. В ранних годах у Лавкрафта практически не было чувства времени, и нельзя было рассчитывать, что он придет точно в назначенное время.

Весной 1905 года четырнадцатилетний Лавкрафт снова попробовал свои силы в художественной литературе. Рассказ назывался «Зверь в пещере», объемом немногим более двух тысяч слов. Это в некоторой степени уже взрослый короткий рассказ с простым сюжетом и напыщенным латинизированным стилем, происходящим от По. Если даже он и не соответствует коммерческим стандартам, то намного превосходит предыдущие пробы Лавкрафта. Он начинается: «Ужасающий вывод, который исподволь навязывался моему помутившемуся и сопротивлявшемуся разуму, теперь стал страшным достоверным фактом. Я заблудился, совершенно безнадежно заблудился в многочисленных и запутанных ходах Мамонтовой пещеры».

⁸³ Письмо Г. Ф. Лавкрафта К. Э. Смит, 17 января 1930 г.; Р. Кляйнеру, 16 ноября 1916 г.; Winfield Townley Scott «Exiles and Fabrications», Garden City: Doubleday & Co., Inc., 1961, p. 56; Arthur S. Koki «H. P. Lovecraft: An Introduction to his Life and Writings», магистерская диссертация, Columbia University, 1962, p. 20.

⁸⁴ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Дж. В. Ши, 4 февраля 1934 г.; Arthur S. Koki «H. P. Lovecraft: An Introduction to his Life and Writings», магистерская диссертация, Columbia University, 1962, p. 21.

Рассказчик описывает ощущение приближающейся смерти и поздравляет себя со стоическим духом, с которым готовится встретить свою судьбу. Затем: «Однако все мое внимание немедленно обострилось с того момента, когда мне показалось, что я услышал звук мягких приближающихся шагов по каменному полу пещеры... Через миг, когда я прислушался, мой восторг сменился страхом, ибо мой и без того чуткий слух, теперь обострившийся в еще большей степени из-за полнейшей тишины пещеры, донес до моего оцепенелого разума неожиданную и чудовищную весть, что эти звуки шагов были не такими, как у любого смертного... Когда я внимательно прислушался, то, кажется, различил шаги четырех ног вместо двух».

Фонарь рассказчика гаснет. На протяжении нескольких страниц загадочные шаги всё приближаются к нему. В конце концов он бросает камень и попадает в тварь. Вскоре он наталкивается на гида группы, от которой отстал. Они находят умирающее четвероногое животное, которое поначалу принимают за обезьяну, покрытую редкими, растущими то здесь, то там белыми волосами. При ближайшем рассмотрении они обнаруживают, что «создание, которое я убил, странный зверь безмерной пещеры, был – или когда-то был – ЧЕЛОВЕКОМ!!!»⁸⁵.

Рассказ (датированный 1 апреля 1905 года) демонстрирует несколько художественных признаков Лавкрафта как зрелого писателя. Упор делается больше на настроение и атмосферу, нежели действие. Чувствуется тяжелая рука По, включая и один из его худших литературных недостатков: неумеренное использование типографского своеобразия (заглавные буквы, курсив и множество восклицательных знаков) для придания повествованию пушей убедительности.

Наконец, рассказ показывает многолетнюю увлеченность Лавкрафта пещерами и подобными местами. В детстве у него было довольно слабое чувство равновесия и легкая акрофобия, но он преодолел этот страх, ходя по стенам и эстакадам. По его словам, он не страдал ни клаустрофобией, ни агорафобией, но: «Я подвержен, однако, некой смеси их двух – в форме явного страха перед очень большими замкнутыми пространствами. Темное помещение для экипажа в конюшне, мрачный интерьер заброшенного газового завода, пустой зрительный зал или зал для приемов, очень большая пещера – возможно, вы поняли. Не то что эти места бросают меня в видимую и неудержимую нервную дрожь, но они вызывают у меня глубокое и пугающее чувство зловещего – даже в моем возрасте [сорок шесть лет]»⁸⁶.

В «Картине» 1907 года Лавкрафт определенно установил курс на фантастическое; в то время, говорил он, его литературный вкус был «фантастика или ничто»: «У меня был герой, живший в парижской мансарде и работавший над таинственным полотном, воплощавшим саму суть всего ужаса. Однажды утром его находят перед мольбертом изорванным и искромсанным когтями. Картина уничтожена, словно в отчаянной борьбе, – но в одном углу рамы сохранился клочок полотна... И на нем следовательно к своему ужасу обнаруживает изображение той лапы, которая, несомненно, и убила художника».

«Алхимик» 1908 года состоит примерно из двух тысяч семисот слов. Французский аристократ, наследник древнего замка, наследует и старинное проклятие. Некогда предшествующий граф убил местного колдуна, Мишеля Мове («Злой»), ошибочно подозревая его в том, что он разделался с его сыном, который оказался живым. Сын колдуна, Шарль ле Сорсер («Колдун»), произносит проклятие:

Потомок твой в несущем смерть роду
Умрет на том же, что и ты, году!

⁸⁵ Н. Р. Lovecraft «Marginalia», Sauk City: Arkham House, 1944, pp. 268–75.

⁸⁶ Письмо Г. Ф. Лавкрафта А. У. Дерлету, 23 сентября 1933 г.; Г. О. Фишеру, конец января 1937 г.

Затем он бросает яд в лицо графа, который тут же умирает, и исчезает. После этого наследник титула по той или иной причине всегда умирает в возрасте тридцати двух лет.

Приближается срок героя – повествователя, графа Антуана де С. Этот негероический персонаж – типичный литературный герой эпохи романтизма начала девятнадцатого века: чувствительный, слабый человек, который от волнения падает в обморок. Рано осиротев, Антуан воспитывался пожилым слугой, Пьером, в котором один критик разглядел сходство с Уипплом Филлипсом⁸⁷.

Исследуя заброшенную часть своего замка, герой находит люк, ведущий в склеп. В склепе он наталкивается на «загадочного незнакомца»: «... Человека, одетого в ермолку и длинную средневековую тунику темного цвета. Его длинные волосы и ниспадающая борода были ужасающего иссиня-черного цвета и невероятно густыми. Его лоб, высокий сверх обычного, его щеки, глубоко запавшие и все испещренные морщинами...»

Когда призрак похваляется, как он убивал одного за другим предков рассказчика, тот бросает в него лампу и падает в обморок. Когда же он приходит в себя, его умирающий противник открывает то, о чем любой внимательный читатель мог уже догадаться: «„Глупец, – пронзительно закричал он, – ты не разгадал мою тайну? ... Разве я не рассказал тебе о великом эликсире вечной жизни? Не тебе ли знать, что тайна алхимии раскрыта? Говорю тебе, это я! Я! Я! Кто жил шесть столетий, чтобы продолжать свою месть. ИБО Я – ШАРЛЬ ЛЕ СОРСЕР!“»⁸⁸

Рассказ – заглавные буквы, жирный шрифт и все остальное – все еще простая стилизация под По, но автор развивает свое художественное мастерство. В начале подросткового возраста Лавкрафт написал еще несколько рассказов, но, за несколькими упомянутыми исключениями, все они погибли во время его литературной чистки в 1908 году.

В конце 1904/05 учебного года Лавкрафт бросил школу и не посещал ее в течение всего следующего года. Причина неизвестна, хотя в последствии он говорил о «нервном расстройстве» в 1906 году.

В течение этого года он не бездействовал. В сущности, 1906–й был годом его первого появления в печати. Третьего июня в «Провиденс Джорнал» было опубликовано письмо Лавкрафта, в котором он, как научный материалист, обличал астрологию. Через два месяца «Сайнтифик Американ» опубликовал другое его письмо, где он предлагал, чтобы астрономические обсерватории предприняли совместный проект по поискам планеты за Нептуном.

Вскоре последовали регулярные статьи по астрономии. Одна серия печаталась в местном еженедельнике «Потакет Валли Глинер», издававшемся в Уэст-Уорике, штат Род-Айленд. Лавкрафт признавал, что эта газета относилась благосклонно к его статьям, потому как в тех краях Уиппл В. Филлипс был большим человеком.

Другая серия, которая печаталась одновременно с вышеупомянутой, была ежемесячной колонкой в «Провиденс Ивнинг Трибьюн». Профессор Аптон писал статьи по астрономии для их конкурентов «Провиденс Джорнал» с 1893 года, и «Трибьюн», несомненно, были рады ответить подобными статьями – особенно если, что было почти наверняка, Лавкрафт не требовал гонорара.

Когда Лавкрафт вернулся в школу, его статьи принесли ему небольшой успех. Например, мальчишки перестали называть его «Милочкой» и начали обращаться к нему «Профессор». Колонки также дали ему отличную возможность осадить одного из своих учителей: «Моей учительницей по английскому была старая леди по имени миссис Блейк, у которой был весе-

⁸⁷ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Р. Блоху, 1 июня 1933 г.; George Muller «The Origins of H. P. Lovecraft's Fiction», неопубликованный трактат из Библиотеки Джона Хэя, 1969, pp. 5f.

⁸⁸ «The United Amateur», XVI, 4 (Nov. 1916), pp. 53–57; H. P. Lovecraft and Divers Hands «The Shuttered Room and Other Pieces», Sauk City: Arkham House, 1959, pp. 54–63. Выдержки приведены по позднему изданию. В раннем типографское своеобразие было почти не отражено.

лый, хотя и немного циничный нрав. Она донимала меня, сомневаясь в подлинности моих сочинений. Однажды она вызвала меня к доске и спросила, не был ли один мой очерк списан со статьи в журнале, на что я ответил, что я дословно скопировал его с сельской газеты! В ответ на ее гнев я предъявил газетную вырезку – с бросающимся в глаза именем автора „Г. Ф. Лавкрафт“!!!»

Статьи в «Трибьюн» большей частью были эфемеридами, то есть простыми таблицами основных астрономических событий текущего месяца: времени восхода и заката солнца, фаз луны, положений планет и т. д. Зато статьи для «Глинер» были более развернутыми. Они носили заголовки вроде «Обитаем ли Марс?», «Есть ли жизнь на Луне?», «Существуют ли еще неоткрытые планеты?» и «Может ли человек добраться до Луны?». Лавкрафт пророчески ответил «нет» на первые два вопроса и «да» на остальные. Обсуждая путешествие на Луну, он, однако, не предрекал для его осуществления использование энергии ракеты. Он предлагал другие способы: выстрел из пушки, антигравитация и некий вид «электрического отталкивания» – два последних еще должны были быть изобретены.

В своей статье о жизни на Марсе Лавкрафт обрушился на идеи знаменитого бостонского астронома Персиваля Лоуэлла, брата ректора Гарвардского университета Эббота Л. Лоуэлла. Персиваль Лоуэлл популяризировал теорию, что тусклые линии на поверхности Марса, которые он и некоторые другие астрономы наблюдали через телескопы, являются каналами (или, по крайней мере, растительными зонами по берегам каналов), вырытыми разумными марсианами для доставки воды с полярных шапок во все регионы их засушливой планеты. Эта теория нашла отражение во множестве научно-фантастических произведений, в том числе и в марсианских романах Эдгара Райса Берроуза.

В 1907 году Персиваль Лоуэлл читал лекцию в провиденсском Сайлес-Холле. Перед лекцией профессор Аптон увидел в толпе Лавкрафта и, к его величайшему замешательству, представил его Лоуэллу как активного журналиста-астронома: «Со своим семнадцатилетним самомнением я боялся, что Лоуэлл читал то, что я писал! Разговор я старался вести насколько только можно уклончиво и, к счастью, обнаружил, что знаменитый астроном был более расположен расспросить меня о моем телескопе, учебе и т. д., нежели поспорить о Марсе»⁸⁹.

«Глинер» обанкротился примерно в конце 1906 года. Лавкрафт продолжал писать для «Трибьюн» до середины 1908-го, когда закрылась его рубрика. В течение последующих пяти с половиной лет Лавкрафт не опубликовал ни одной научной статьи.

Он также продолжал издавать для друзей и родни «Сайнтифик Газетт» и «Род Айленд Джорнал оф Астрономи». На этот раз они копировались на гектографе тиражом двадцать пять экземпляров. Какое-то время в 1905 году друзья Лавкрафта Честер и Гарольд Манро издавали конкурирующую газету. Вместе ребята устраивали представления, озвучивая диапозитивы и показывая фокусы.

Позже в 1905 году Лавкрафт уговорил мать купить ему маленький ручной печатный станок. Полгода он множил на гектографе рекламные объявления, предлагая печатать визитки по пять центов за дюжину. История умалчивает, получил ли он какие-нибудь заказы.

Весной 1906-го Лавкрафт выставил свой печатный станок на продажу. Он пробовал организовать Провиденсское астрономическое общество, из-за которого у него не оставалось времени на печать; 25 января 1907 года он читал лекцию по астрономии в Клубе мальчиков Первой баптистской церкви. Ему также были нужны деньги для других астрономических приборов. В любом случае, он никогда не был особо умелым в обращении с техникой.

⁸⁹ «The Scientific American», XCV, 8 (25 Aug. 1906), p. 135; письмо Г. Ф. Лавкрафта Р. Кляйнеру, 16 ноября 1916 г.; 19 февраля 1916 г.; Kenneth W. Faig, Jr. «Howard Phillips Lovecraft: The Early Years, 1890–1914», неопубликованная статья из Библиотеки Джона Хэя, р. 46; письмо Г. Ф. Лавкрафта Кеннету Дж. Стерлингу, 20 ноября 1935 г.

В это же время Лавкрафт испытал приступ преждевременного общественного сознания: «Тогда я был великим реформатором (в своих мыслях) и лелеял высокие идеи о подъеме масс. В публичной библиотеке я познакомился с внешне обнадеживающим шведским мальчиком – он работал на стеллажах, где хранились книги, – и пригласил его к себе, чтобы расширить его интеллект. (Мне было пятнадцать, ему около того же, хотя он был ниже ростом и выглядел младше.) Я думал, что нашел молчаливого безвестного Мильтона (он как будто интересовался моей работой), и, несмотря на протесты матери, часто принимал его в своей библиотеке. Тогда я верил в равенство и попрекал его, когда он обращался к моей матери „мадам“, – я говорил, что будущему ученому не следует разговаривать как слуга! Но вскоре он проявил качества, которые оттолкнули меня, и я был вынужден предоставить его своей плебейской судьбе... Он покинул библиотеку (по просьбе), и больше я его не видел».

Лавкрафту нравилось оружие. Он заботливо ухаживал за коллекцией винтовок и револьверов, доставшейся ему в наследство, и добавил к ней серию винтовок калибра 0,22 дюйма, которые брал загород пострелять. Тогда законы, ограничивающие хранение и применение огнестрельного оружия, были лояльнее и малочисленнее, нежели сегодня. Позже Лавкрафт сказал, что он стал вполне неплохим стрелком, пока примерно в 1910 году не оставил это увлечение из-за болезни глаз. «Охота увлекала меня, и ощущение винтовки было для меня балластом на душу; но после того, как я застрелил белку, у меня появилась неприязнь к убийству созданий, которые не могут сопротивляться, превращаясь из-за этого в мишени...»

Впоследствии Лавкрафт постепенно распродал или раздарил всю коллекцию, оставив лишь кремниевый мушкет, который хранил как антиквариат.

6 июля 1906 года Лавкрафт обзавелся подержанной пишущей машинкой «Ремингтон». Он, однако, так и не предпринял следующий логичный шаг: научиться на ней печатать. Всю свою жизнь он печатал двумя указательными пальцами, как это делали многие писатели его поколения, например, Г. Л. Менкен.

Из-за своей непрактичной матери и комплекса любительства он так никогда толком и не усвоил, что существуют правильные и неправильные способы что-либо делать и что можно избавиться от множества бед, узнав, как делать правильно. Современный писатель, который не умеет печатать всеми пальцами, подобен ковбою, не умеющему ездить верхом. Но упрямо архаичный Лавкрафт был верен старинной традиции писания, словно вавилонский писец древнегреческой эры, цепляющийся за глиняные таблички и стиль и хулящий эту новомодную систему пера и папируса.

«Ремингтон» оставался у Лавкрафта всю его жизнь. Когда машинка изнашивалась, он отдавал ее в починку. Однако это происходило только через значительные промежутки времени, поскольку он нечасто мог себе позволить дорогостоящий ремонт. На третьем десятке он печатал на ней днем, по ночам же, чтобы не беспокоить шумом окружающих, писал от руки.

Со временем он стал ненавидеть печатание все больше и больше, говоря: «Думаю, по характеру я ленив, ибо механическая деятельность надоедает и утомляет меня неимоверно». На протяжении всей своей жизни он все больше обнаруживал (цитируя современного ученого) «необычайную общую ненависть к машинам, проявляющуюся у некоторых современных интеллектуалов, которые тоскуют по суровости, рутине и убогости мира без машин»⁹⁰. Постепенно Лавкрафт полностью вернулся к авторучке и печатал лишь чистовики рукописей. После 1923-го почти все его личные письма были написаны от руки. Некоторые его рассказы так и не были предложены издательствам при жизни, потому что он слишком страшился сурового испытания печатанием и не мог себе позволить нанять машинистку.

⁹⁰ Письмо Г. Ф. Лавкрафта А. Галпину, 21 августа 1918 г.; М. В. Мо, 5 апреля 1931 г.; Ф. Б. Лонгу, 19 ноября 1920 г.; W. M. S. Russell «To Seek a Fortune» в «The Listener», LXXX, 2060 (19 Sep. 1968), p. 365. (Уильям Мой Страттен Рассел (род. 1925) – английский биолог, социолог, психоаналитик. – *Примеч. перев.*)

Лавкрафт писал очень быстро и много тратился на авторучки, которые при малейшем нажиме сильно текли. Его почерк был весьма четким в молодости, но с годами стал мельче, небрежнее и неразборчивее; хотя, если уж деваться некуда, к нему можно и привыкнуть. Как-то один из его поздних корреспондентов принял в письме слово «hermit» («отшельник») за «haircut» («стрижка»). Другой поинтересовался, что означает «orianfolots», – Лавкрафт же имел в виду «orientalists» («востоковеды»). Мать еще одного корреспондента, взглянув на письмо от Лавкрафта, со всей серьезностью спросила, не написано ли оно на арабском языке.

Когда его друзья по переписке жаловались, он оправдывал свой неразборчивый почерк как случай «того высокомерного презрения к ясному, которое во веки веков было признаком высших». Если бы он тратил время на то, чтобы писать разборчиво, то «не смог бы написать все свои рукописи и письма». Кроме того, он говорил, что до того, как людей избаловала печатная машинка, они могли читать любой почерк.

В 1907-м у Лавкрафта появился его первый фотоаппарат – «Брауни-2» за два доллара. Это был простой маленький ящичный фотоаппарат с фиксированной фокусировкой и одной выдержкой. Хотя он хранил этот аппарат всю свою жизнь и время от времени снимал им, а также портативным «Кодаком», который приобрел позже, он никогда не пробовал себя в более высоких формах фотографии⁹¹. Он даже не брал фотоаппарат в свои более поздние путешествия по старинным местам. Как и на любой другой современный механизм, он смотрел на него с подозрением и презрением, с недовольством признавая его практичность.

В сентябре 1906 года шестнадцатилетний Лавкрафт снова пошел в среднюю школу на Хоуп-стрит и проучился весь год. В первом семестре оценки были следующими: английский – 90, алгебра – 75, рисование – 85, латынь, грамматика – 85, латынь, чтение – 90, греческий, чтение – 85, планиметрия – 92, физика – 95.

Как и прежде, алгебра оказалась для него самым трудным предметом. Этот факт ставил под сомнение его планы на будущее: он намеревался закончить среднюю школу, поступить в Университет Брауна со специализацией по астрономии и стать профессором, как Аптон. Теперь же он начал опасаться, что слабость в алгебре воспрепятствует достижению его цели, потому как практикующий астроном должен свободно владеть основными отраслями математики. Как и множество молодых людей, он был очарован профессией, не осознавая всю тяжесть и рутину ее практики.

В 1907/08 учебном году Лавкрафт прошел сокращенный курс, включавший только химию, вспомогательную алгебру и физику. Хотя он получал хорошие оценки, даже по алгебре, после первой четверти он забросил учебу. В конце года, закончив лишь два с половиной года средней школы, он окончательно ушел из нее.

В своих поздних письмах Лавкрафт несколько раз говорил об окончании средней школы, например: «Она [средняя школа] мне нравилась, но нагрузка оказалась слишком тяжелой для моего здоровья, и сразу после ее окончания я перенес нервное расстройство, которое совершенно помешало мне посещать колледж»⁹². «Нервное расстройство», возможно, было вполне реальным, но не было непосредственной причиной того, что Лавкрафту не удалось поступить в колледж. Он так и не закончил среднюю школу полностью, для этого ему надо было проучиться еще полтора года. Со своим школьным аттестатом он не смог бы поступить в Университет Брауна, даже если бы позволило его здоровье и это было бы по карману его семье.

⁹¹ Письмо Г. Ф. Лавкрафта М. Ф. Боннер, 1 апреля 1936 г.; Э. Т. Реншоу, 30 марта 1936 г., Ф. Б. Лонгу, 3 ноября 1930 г.; Э. Ш. Коулу, 30 сентября 1933 г.; К. Дж. Стерлингу, июнь 1935 г.; К. Э. Смит, 22 октября 1933 г. В письме У. В. Джексона от 7 октября 1921 г. Лавкрафт упоминает, что «Брауни» потерялся, но, очевидно, он снова нашелся.

⁹² Arthur S. Koki «H. P. Lovecraft: An Introduction to his Life and Writings», магистерская диссертация, Columbia University, 1962, р. 21; письмо Г. Ф. Лавкрафта Б. О. Двайеру, 3 марта 1927 г. Лавкрафт, несомненно, не фигурировал в списках выпускников школы на Хоуп-стрит.

Много позже Лавкрафт порой легкомысленно относился к тому, что ему не удалось получить образование: «Как-никак, культурная семья является наилучшей школой, и я особенно признателен за то обучение, что этот юноша не прошел». Это был блеф, в более откровенные минуты он писал: «Что до отсутствия у меня университетского образования, я никогда не перестану стыдиться этого; но, по крайней мере, я знаю, что по-другому у меня не получилось бы».

Эта неудача представляется одним из самых значительных событий в жизни Лавкрафта, поскольку она как ничто другое определила его будущее. В нескольких письмах Лавкрафт рассказывает о своем «нервном расстройстве», например: «В те зрелые годы бедняга дошел до такого нервного истощения, что не мог без отвращения разговаривать с любым человеческим существом и даже смотреть на него и равным образом не переносил, чтобы на него смотрели; и каждая поездка в город была суровым испытанием... В те дни для меня было просто невыносимо взглянуть или поговорить с кем-либо, и я предпочитал закрываться от всего мира, опуская темные шторы и обходясь искусственным светом... Я и думать не хотел о том, сколько приобретенных в средней школе знаний выпало из моей памяти за пять лет после 1908 года. Мое здоровье не позволило мне пойти в университет – в самом деле, упорное прилежание в школе привело меня к некоторому расстройству»⁹³

⁹³ Письмо Г. Ф. Лавкрафта Э. Ф. Байрду, 3 февраля 1924 г.; Р. Кляйнеру, 16 ноября 1916 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.